

АНДРЕЙ ЛЕВИЦКИЙ

МАГИ & МОТОРЫ

МАГИЧЕСКИЙ ВОР

Гигран. Мир Разделенный. Мир магии и моторов. Он рассечен напополам огромным Срединным хребтом, и никто из жителей Юга не знает, что лежит за великими горами. Адская бездна, безводная пустыня, где скитаются души мертвых, или обычная реальность?

Не знает этого и Кей Варра, известный в землях Арды как Магический Вор. Но вот что он знает точно: запретная некромагия вырвалась на свободу, и если не помешать ей, людям придет конец. Тяжелая поступь зла все громче, тьма уже заволокла горизонт, но что же служит ее источником? Чтобы спасти себя и других, Магический Вор вступает в союз с теми, кого презирает: с гильдией магов. Нити заговора ведут в сырые подвалы, старые дома, заброшенные подземелья... И постепенно перед взором героя открывается картина великого заговора и великого предательства, которые связаны с прошлым Магического Вора.

Андрей Левицкий

Магический Вор

© Левицкий А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Нет здесь никого.

– Говорю тебе – я что-то слышал!

Когда подо мной раздались голоса, я бесшумно нырнул обратно в воздушный колодец, идущий вверх через всю башню. Уперся в каменную кладку согнутыми ногами и спиной, локтем прижал сумку на поясе. В ней лежало то, что мне надо было пронести в сокровищницу Дома Реликвий. Впервые меня наняли не для того, чтобы украсть, а наоборот, чтобы внести... и оплатой будет все, что я смогу забрать отсюда.

Два стражника стояли где-то внизу, отсюда я их не видел. Хорошо, что не успел перебраться из колодца на выступ, идущий по стене у потолка. Он узкий, толком спрятаться на нем невозможно, там они меня точно заметили бы. Охранять свою главную сокровищницу гильдия под названием Дом Реликвий отражает самых опытных бойцов. А у меня только пара ножей, пробираться сюда с мечом на боку или топором в руках было бы совсем несподручно.

Но как услышали? Ведь ни звука не издал. Хотя колодец, через который спустился в сокровищницу, был перекрыт огненным пологом. И тот гудел – негромко, но так мощно, проникновенно, что аж стены подрагивали. Теперь-то не гудит, потому что я его отключил. Любопытно: войдя в сокровищницу, стражники этого не поняли. То есть там, в коридоре снаружи, они что-то ощутили, когда гудение стихло, но теперь не могут сообразить, в чем дело, слишком привычен был для них этот звук.

– Говорю тебе, Арон, здесь никого нет.

Голос низкий, угрюмый. А вот и сам стражник показался в поле зрения, здоровенный усач с кольчужной бармицей на плечах, без шлема, с палашиом и небольшим круглым щитом. Я замер, скосив вниз глаза, выжидая.

Усатый повернулся, снова ушел в глубину сокровищницы. Донеслись неразборчивые голоса, и они вернулись к приоткрытой двери, ведущей в коридор. Подо мной снова прошел усач, затем второй, Арон, пониже ростом, крепкий как бык, с коротким топором. По изогнутому лезвию гуляли разноцветные отсветы того, что лежало на полках в дальнем конце комнаты.

Они вышли, стукнула дверь, стало тихо. Я ждал в полной тишине. Глухое место эта сокровищница, спрятанная в главной башне гильдийского замка, безмолвное, сумеречное, здесь редко ступает чья-то нога. Кажется, что оно где-то в подвале, но на самом деле комната эта расположена ближе к крыше, отсюда недалеко до главного зала башни.

Так вот, мои ноги вскоре здесь ступят. Еще как ступят, и хорошенько потопчутся вдоль тех полок, а после уберутся отсюда вместе со всем моим ловким молодым телом и дорогими вещичками, которые я здесь подберу. Потому что стражники, судя по всему, занялись своим делом, то есть стоят в коридоре по сторонам от двери и, наверное, лениво переговариваются со скуки.

И раз так – пора начинать.

Выбравшись из колодца, я пополз по выступу. Комната прямоугольная, ведущая в коридор дверь в одном конце, полки напротив нее. Там помигивает, поблескивает и посверкивает. Ну что сказать, сокровищница Дома Реликвий – это вам не чулан сельской ведьмы, тут столько всего лежит... Есть, конечно, и рухлядь, очутившаяся в этом месте

только из-за своей древности, но попадаются очень ценные предметы.

Многие из которых вскоре станут моими.

Свесив ноги, я снова прислушался. Спрыгнул. Подошвы из мягкой кожи едва слышно хлопнули по каменным плитам. Стены в этой комнате тоже каменные, как и потолок. Дорогой камень, завезенный из Гарвианских каменоломен, но вот беда, не пропускает часть магических эманаций. Чтобы они не копились здесь, и сделан в толще замковых стен воздушный колодец, идущий к крыше главной башни.

Я подошел ближе к полкам, оглядел их. Подошвы касались пола бесшумно. Сапоги у меня заговорены, как и крепкая, хорошо подобранная по размеру куртка с шароварами. Ничто на мне не звякает, не скрипит и даже не шуршит, заклинания старой ведьмы Рагды, живущей в лесу неподалеку от замка, надежны. На ремне сумка и два ножа, висящие крест-накрест.

Пора приступать. Вытащив из сумки металлический браслет, я покрутил его в пальцах. Непонятная вещица. Тонкий обруч как раз такого размера, чтоб надеть на нежную ручку девушки, прежде чем повлечь ее в постель. Только этому подарку ни одна девушка рада не будет и никуда после него не повлечется. Потому что от браслета расходятся темные эманации, и не надо быть магом, чтобы это ощутить. Черный металл, покрытый тусклыми красноватыми письменами... очень черный металл, очень тусклые древние знаки, хоть и непонятные, но зловещие донельзя. Ни одна уважающая себя девица, будь то принцесса или дочь конюха, такой подарок не примет, и ничего тебе от нее не перепадет.

А полки-то от всякого добра аж ломаются. И сундуки от него распирает. Они стоят по сторонам от полок, всполохи света гуляют по выпуклым крышкам. Чего только нет в сокровищнице историков, как называют людей из Дома Реликвий. Хотя светлых и темных камней, то есть теневиков и альбитов, помогающих магам в их делах, как раз и нет, но всяких необычных древних вещей – полно. Некоторые в шкатулках из глухокамня, что защищают их от магического излучения соседей, некоторые так лежат. Холщовые мешочки, пожелтевшие от времени свитки с лохматыми краями, древние амулеты и обереги. Мерцают, помигивают колдовским светом, гаснут и разгораются.

Пора избавляться от браслета и набивать сумку добром.

Шагнув вдоль полки, к стене, я положил браслет на пол и прошептал слово-ключ, то есть иницилирующее заклятие, полученное от нанимателя. Прищурился. Вроде ничего особенного не произошло, только по красноватым письменам скользнула и угасла тусклая волна света. Повернувшись к ближайшему сундуку, заметил висящий над ним длинный сверток – перехваченную веревкой облезлую шкуру. Сверток был изогнутый, будто внутри лежало что-то кривое. Как-то не ожидаешь увидеть такое в сокровищнице, с другой стороны, откуда я знаю, что там завернуто? Может, лук какой-то колдовской, выкопанный очередной экспедицией историков из-под замшелого валуна на краю Гиграна.

Решив находку пока не трогать, потянулся к сундуку. Его могла защищать ловушка, которая прожгла бы мне запястье до кости или проткнула незримым острием, поэтому, когда между пальцами и крышкой оставалось всего ничего, я замер. Магические сущности и конструкции всегда создают возмущения в мире, и, будь там нечто этакое, я бы почувствовал. Легкий ток прохладного или теплого воздуха, идущий из ниоткуда, или покалывание в пальцах, или еще что... Много лет я занимаюсь тем, чем занимаюсь, чувствительность развил до предела.

Хотя в таких делах полагаться на одно только чутье могут лишь природные маги, а я не

из них. Именно поэтому безымянный палец моей правой руки украшает кольцо, распознающее враждебную магию. Ощувив ее, кольцо нагревается, но сейчас этого не случилось.

И все же к сундуку я не прикоснулся. Не потому, что ощутил присутствие на нем охранной магии, все проще: слышал сзади звук. Совсем тихий.

Но и совсем близкий.

Это могло быть шуршание мыши. Или тишайший шепот воздуха, уходящего вверх, в вентиляционный колодец. Но нет, это был свист. Неприятный. Чудилось в нем что-то... так может посвистывать ночной ветер между кладбищенскими камнями. Или шипеть змея, выползающая из глазницы черепа на вершине одинокого кургана.

Я обернулся мгновенно, левая рука легла на рукоять ножа, правая сжалась в кулак. Что-то происходило с лежащим на полу черным обручем. Каменный пол внутри его тек, вращаясь все быстрее, словно вода. Круг пространства мутнел, завивался спиралью. Внезапно он захрустел, зашипел и вытянулся вверх, разворачиваясь длинным широким пузырем.

Внутри его что-то было. Искаженная, выпуклая картинка: стены и вроде бы дверь, и еще начало уходящей вверх лестницы, и какие-то силуэты, совсем смутные, непонятные.

Кольцо на пальце стало холодным. Ледяным. Обжигающе ледяным. Впервые с ним происходило такое, раньше оно только нагревалось в присутствии враждебной магии – и я понятия не имел, что это может означать!

Внутри пузыря что-то сдвинулось, колыхнулось, и прямо ко мне, пригнув голову, шагнула высокая темная фигура. Едва не вскрикнув от неожиданности, я отшатнулся к сундуку.

Пахнуло плесенью и затхлостью. На человеке был древний кожаный доспех, покрытый металлическими пластинами, и остроконечный шлем с решетчатым забралом. Лица не видно, только глаза, поблескивающие сталью. На боку черная палица с шипами, закрученными в виде острых спиралей. Вместо навершия на шлеме горел шарик болотистого сияния.

Из-за того, что магический светляк находился точно над его головой, на полу под ногами лежала густая тень, похожая на лужу тьмы, в которой утопали ноги человека.

Человека? Нет, это лич, мертво-живой воин из легенд. Лич! Никогда не видел этих существ воочию, только на старых фресках в церквях и картинках. Говорят, что личи – воины-мертвецы. Повелители пропащих душ, обитающих в Падшем мире, отделенном от Гиграна, мира живых, великими горами Срединного хребта.

Обычно я верткий, быстрый, редко такое случается, чтобы кто-то застал меня врасплох. Но слишком уж в неожиданную сторону пошли дела, я не успел отпрянуть. Взметнулась длинная рука, и затянутый в перчатку с шипами кулак врезался мне в скулу.

Будто темная молния прошила череп. Я повалился вдоль полка, сбив с них несколько предметов. Застучало, зазвенело, замигало. Ругаясь, вскочил на колени. Неожиданно это было, ох и неожиданно! Такая загадочная потусторонняя сущность, как лич, и вдруг – прямой удар в челюсть... У меня ум за разум зашел от такого поворота.

Лич стоял у сундука и поворачивал голову из стороны в сторону, что-то выискивая. Светляк на шлеме горел тускло, ровно, мертвенно. Над браслетом за его спиной покачивался, тихо хрустя и шурша, землисто-черный, с проблесками зеленого, вытянутый пузырь.

Я ощутил тепло, проникающее сквозь дубленую кожу моей куртки, слышал шипение и глянул вниз. По плечу, по груди расплылось золотистое сияние, магическая дрянь усиленно

разьедала куртку.

На полу лежала упавшая с полки шкатулка, от которой почти отлетела крышка, и расколовшийся кувшин. Из шкатулки просыпались крохотные матово-белые костяшки, на них помигивали и трещали колдовские искры, а из трещины в кувшине что-то вытекало, пузырясь. Рядом поблескивали осколки фиала, оттуда и пролилась золотистая пакость, опалившая куртку и напольную плиту. Камень шипел, сочась едким золотым дымком, от него слезились глаза и першило в горле.

Тепло перешло в жжение, и я рванул застежки куртки.

Лич снял с крюка изогнутый сверток, зашуршал кожей и повернулся, сжимая в руке необычно широкий, матово-серый, кривой клинок.

Кольцо на моем пальце запульсировало жгучим холодом.

Вещество из фиала уже почти насквозь проело куртку, и я сбросил ее на пол. Из коридора донеслись голоса, стук шагов, лязг засовов и голоса. Услышали, Некратор вас заведи, ну конечно, теперь просто не могли не слышать!

Лич шагнул обратно к пузырю, а дверь в комнату начала открываться. Если он исчезнет и портал закроется, то не останется никаких доказательств того, что здесь был кто-то еще. Только растерянный, не успевший сбежать вор да черный браслет на полу... Надо задержать его! Не было времени толком обдумать происходящее, я действовал по наитию: схватил куртку, набросил на то, что упало с полок, сгреб и швырнул в пузырь.

Тот качнулся сильнее, заклокотал, цвет его начал меняться. Лич пригнул голову, собираясь войти в портал. По пузырю побежали золотистые волны, все быстрее, быстрее, он набух, раздаваясь вширь, начал боком погружаться в стену, под которой лежал браслет.

Кольцо на пальце заледенело так, что пришлось, скрипнув зубами от боли, сорвать его. И в тот же миг пузырь лопнул. Распался клочьями черноты и болотной зелени, которые, будто листья, кружась, опустились к полу, тая в полете.

Дверь сокровищницы распахнулась. Лич наотмашь, не глядя, полоснул воздух кривым мечом.

И только сейчас я понял, что тот костяной. Прикрылся правой рукой, защищая лицо, качнулся назад, кончик меча вспорол рукав и кожу от локтя до кисти. Я повалился на спину, пополз, упираясь подошвами в пол. Рука стала неметь. Возникло ощущение, что она набухает, как старая коряга, упавшая в реку, напиваясь чем-то... тьмой, холодом, смертью. Через нее что-то проникло внутрь тела, все глубже, будто черная змея поползла – сквозь плечо, грудь, к животу, и там свернулась плотным шевелящимся клубком.

В воздухе надо мной проступил большой звериный силуэт. Он возник всего на несколько мгновений, но я успел разглядеть мохнатые лапы, длинный хвост и крупную вытянутую башку огромного пса или волка. На спине его были крылья, две тени, уходящие куда-то ввысь, сквозь потолок. Зверь разинул пасть, и до моих ушей долетело призрачное рычание. Видение тут же стерлось, но перед тем он успел повернуть голову и глянуть вниз, прямо на меня, жуткими сверкающими глазами. Когда призрака уже не стало видно, они еще несколько мгновений двумя белыми огнями висели в воздухе, а после угасли.

Первым в комнату влетел Арон и сразу метнул топор. Бросок был сильный, уверенный, меткий, но до лича топор не долетел. Взмахом руки тот отбил его в сторону, оружие с громким стуком врезалось в стену, топорище лопнуло, брызнув щепками.

Оно еще не успело свалиться на пол, а лич, отправив костяной меч в висащие на боку пустые ножны, схватился за палицу. Шкуру, в которую был замотан кривой клинок, он перед

тем набросил на плечи и чем-то подколот ее на груди, чтоб не падала, превратив в подобие плаща.

Вслед за Ароном в сокровищницу вбежал усач с палахом и круглым щитом, из коридора за ним донесся топот ног и голоса. Арон, выхватив короткий меч, подскочил к личу.

Лучше бы он этого не делал.

Я лежал у полок, баюкая на груди раненую руку, к которой быстро возвращалась чувствительность, и ощущая плотный комок чего-то постороннего, что шевелилось где-то внутри меня. Зрение было затуманено, звуки доносились глухо. Лич переместился вперед вместе с лужей тьмы, в которой утопали его ступни. Качнулся магический светляк на шлеме. Короткий свист палицы – и потом звук, будто нерасторопная хозяйка выронила дыню со второго этажа, разбив о мостовую.

Только сейчас с этим звуком раскололась голова Арона.

Хорошо, что в глазах у меня еще мутилось. Я много повидал на своем воровском веку, и убийства, и казни, и жестокие драки, да и сам много чего успел натворить. Но от вида лопающегося под могучим ударом черепа, откуда во все стороны плещет его содержимое, может замутить любого.

Голова Арона стала как сырое яйцо, по которому сильно стукнули ложкой. Он упал. Не успевший остановиться усач перескочил через него, взмахнул мечом и получил тычок черной палицей в грудь. С судорожным всхлипом отлетев назад, он свалился под стеной, дергая ногами.

Я поднялся медленно, с трудом, хватаясь за полки. Существо, в мгновение ока сумевшее разделаться с парой вооруженных бойцов одной из самых крупных гильдий Арды, зашагало к двери. Кто-то попытался ворваться в комнату, получил удар кулаком в шипастой перчатке и вылетел обратно. Лич вышел в коридор, оттуда донеслись крики, лязг и стук.

Едва не упав, я схватился за полку, глубоко вдохнул и медленно пошел вдоль стены. Рука побаливала, но слушалась.

Звуки снаружи начали удаляться.

От двери коридор, как я помнил, тянется в две стороны, лич пошел в одну, выдавливая перед собой бойцов гильдии, но с другой стороны наверняка вскоре заявится подмога. Нужно исчезнуть отсюда прямо сейчас.

Я подошел к стене, чтобы забраться на выступ у потолка, и тут в отверстии воздушного колодца мигнули красные отсветы. Чуть нагрелось зажатое в кулаке кольцо. Защитный полог, отключенный мною по пути вниз, снова работает! Это значит, что маги, ведающие обороной замка, опомнились и заново включили защиту. А заклинание-ключ, которым меня снабдил наниматель, одноразовое, той дорогой больше не выбраться.

Все резко стало еще хуже. Первой ступенью, ведущей к полному провалу всего этого дела, было появление лича, второй – когда я сбросил барахло с полок, и это услышали стражники, а третьей – вспыхнувший огненный полог в колодце. Хотя самой первой ступенью стоило бы назвать тот вечер в таверне «Горячая похлебка» на самой окраине свободного города Зангара три дня назад, когда я согласился на предложение обчистить сокровищницу...

Будь проклята человеческая жадность!

Даже если она твоя собственная.

Надо было отказываться, ведь чуял, что дело нечисто! Знаю, знаю, я же вор, у меня все дела нечисты, однако это казалось слишком подозрительным даже мне. Пронести в самое

охраняемое место Дома Реликвий колдовской амулет! Зачем кому-то в своем уме может понадобиться такое? Хотя наниматель рассказал вполне убедительную историю, но ведь я чувствовал, что это вранье. Только как отказаться от возможности проникнуть сюда? Не куда-нибудь – в святая святых тех, кого я так ненавидел!

Я зажмурился, мысленным усилием отодвинул от себя звуки боя, кипящего в коридоре, отодвинул весь мир, добившись, чтобы в голове наступила гулкая пустота. Спокойно, Кей. Сейчас ты уйдешь отсюда тихо и незаметно. Вернешься в Зангар этой же ночью, проберешься в дом заказчика и встрясешь из жирной сволочи правду.

Нож в руки. Несколько быстрых шагов к двери. Выглянуть. Коридор пуст, если не считать трех мертвецов и двух почти мертвецов. Один слабо подергивается, второй мычит, стоя на коленях и упираясь головой в стену, прижав руки к развороченному животу. Слева коридор заканчивается проемом, дверь выбита, из косяка торчит обломок копья, дальше видны ступени ведущей вверх лестницы. Справа поворот, из-за угла доносится топот ног. Спешат сюда и появятся очень скоро. Ладно. Уходим.

Я перескочил через раненого, и, когда пробежал мимо второго, он с протяжным всхлипом повалился вбок, скользнув лбом по камням, мешком упал на пол. Кровь под ногами... расколотый щит... сплюснутый шлем... ну и досталось же голове, которая в этом шлеме недавно была!

На полутемной лестнице звуки боя стали громче: лязг, тяжелое дыхание, выкрики. Такое ощущение, что лича там обложили, как медведя. Когда я взбегал по ступеням, сзади закричали. Кажется, вошли в сокровищницу и разглядели то, во что превратилась голова Арона.

Лестница оказалась совсем короткой, в верхней ее части лежали еще два мертвеца, а по полу и стене тянулся широкий темный потек. Я почти добрался до распахнутой двери, когда за ней яростно, дико полыхнуло.

Кольцо, снова надетое на палец, обдало его волной холода. Вспышка за дверью была не столько яркой, сколько тяжелой, давящей, она словно дубинкой съездила меня по голове. Болотно-зеленый, угрюмый, мертвый свет... Так горел светляк на шлеме лича. Выходит, он не только для освещения, это еще и оружие?

Вверху завопили, отчаянно заругались, загрохотали. Остановившись, я выглянул.

Лестница выходила в большой зал с двумя высокими мозаичными окнами. Впереди валялись перевернутые столы, разломанные лавки и табуреты. В дальней части было возвышение, на нем стояло большое кресло с высокой прямой спинкой, похожее на трон. За помостом стену скрывал огромный гобелен с изображением Святого Круга.

Лич вместе с плещущейся под ногами лужицей темноты двигался к двери в дальнем конце зала, а вокруг кричали и катались по полу бойцы гильдии. Кто-то прижимал к лицу ладони и выл, кто-то стоял на коленях или слепо метался, расшвыривая обломки мебели. По щекам людей стекала розоватая слизь, в которую превратились глаза. Лишь несколько человек остались на ногах и пробирались к личу между столами. Кажется, перед моим появлением стражники сумели окружить ночного гостя, и эта вспышка ослепила большинство из них. Он шел ровно и быстро, прицепленная на манер плаща шкура покачивалась за спиной, костяной меч болтался в кривых ножнах на боку. Двумя руками лич держал занесенную над плечом палицу. Усеянное спиральными шипами навершие превратилось в жутковатый спутанный клубок, с которого сочилась кровь. Я представил, как страшное оружие крушило человеческую плоть, как шипы врубались в нее, буравя черепа и

выворачивая из них куски кости, выдирали клочья мяса и рвали сухожилия...

Представил – и бросился влево, к закрытому ставнем окну, совсем неприметному рядом с высокими разноцветными витражами.

Когда я был уже возле него, в зал с лестницы ворвался небольшой отряд во главе с рыжеволосой девицей в мужском костюме и легкой кольчуге, с мечом и кинжалом в руках. Рядом тяжело топотал уродливый горбун, почти голый, лишь в набедренной повязке и сандалиях, весь заросший волосами.

Лич, успевший разбросать еще несколько противников, приближался к дальней двери, отряд устремился за ним. Надо было крикнуть им, что магический светляк на шлеме способен выжечь глаза... но наверняка это мог сделать кто-то из тех, кто был в зале раньше и сохранил зрение, потому что в момент вспышки случайно смотрел в сторону или находился за спинами других.

А мне очень, очень не хотелось попадаться на глаза рыжей девице. Слишком хорошо я знал ее раньше.

Подскочив к окну, я распахнул ставни, высунулся. В лицо дунул прохладный ветер. Ночь темным одеялом окутывала Арду и Кривой залив, раскинувшийся далеко по левую руку. Мягким серебром сиял в небе бледный шар Марри, мерцал красновато-желтым его младший брат, небольшой Ярри. Горели факелы на замковой стене и пара костров – внизу, между домами, стоящими возле главной башни. Вдали, у северного горизонта, едва проступала полоса Срединного хребта, отделяющего нас от Падшего мира.

Под окном протянулся каменный карниз. Совсем узкий, не больше ладони, но пройти можно, хотя носки сапог будут торчать. Ничего, мне и не по таким карнизам довелось хаживать!

Сзади грохнул перевернутый стол, треснуло дерево, часто залязгали удары. Раздался изумленный вскрик. Переваливаясь через подоконник, я оглянулся.

Лич как раз вышел в дверь, позади него валялись тела. Трое бойцов вместе с горбуном подбегали к проему, а рыжая девица стояла в пол-оборота к ним и смотрела на меня, прижав ладонь ко рту. Заметила!

Я спустил ногу на карниз, но вторую не успел. Вспышка холода на пальце дала знать о том, что кольцо распознало внезапное появление чуждой магии где-то совсем рядом...

Рядом?

А может, во мне?

Тугой клубок зашевелился в животе. Ночной мир качнулся, огни факелов и костров светящимися полосами прочертили темноту. Раненая рука плетью повисла вдоль тела.

В воздухе у башни возник силуэт, и на этот раз я разглядел его отчетливей. Лохматый волк с могучей шеей, выпуклой грудью и сильными лапами. Над ним двумя призрачными парусами развернулись огромные крылья. Изогнув голову, он обратил ко мне сияющие белые пятна глаз, приоткрыл пасть, и я понял, что в ней не хватает одного клыка. Далекий рык прозвучал в моей голове.

Ноги подогнулись, когда свернувшийся в животе ком превратился в костер черной боли. Ладонь заскользила по стене, я из последних сил попытался удержаться на карнизе, но не сумел и рухнул вниз, теряя сознание.

– Встать! – Клинок сильнее уперся в мое горло. – На ноги, быстро!

Я открыл глаза, удивляясь, что еще жив. Ведь падал к замковому двору, такому далекому, мощенному булыжниками... такими твердыми. Мое тело должно превратиться в мокрое пятно под стеной главной башни, так почему я здесь? И где я вообще?

Искося оглядел маленькую комнату, лавку с тряпьем у стены, ведро, метлу в углу. Вон там – открытая дверь, а напротив нее окно без ставен и стекла. За окном темно. Надо мной стоят трое: рыжая девица с мечом, статный светловолосый парень с факелом и горбун в набедренной повязке. Он тихо пофыркивает, втягивает воздух волосатыми ноздрями, шевелит сплюснутым носом. Мохнатые брови, грива кучерявых, спутанных волос и ненормально длинные руки с перепонками между узловатых пальцев. Тролль, надо же. Очень редкая тварь для наших мест – болотный тролль.

– Вставай! – повторила рыжая.

– Как ты это себе представляешь, сестренка? – спросил я. – Твоя железяка проткнет мой кадык.

По-моему, от злости она уже готова была рубануть меня по шее, но тут вмешался блондин:

– Тира, нужно его допросить.

– А я желаю просто убить уроды! – отрезала она, но взяла себя в руки, отступила на шаг и повторила хриплым от ненависти голосом: – На ноги, вор!

– Почему я не разбился? – спросил я, садясь.

Рыжая не удостоила меня ответом, горбун громко засопел, а блондин сказал:

– Ты упал на террасу.

Я припомнил крошечный выступ, сверху кажущийся лохматым, торчащий из стены под окном с карнизом. Не прямо под ним, сбоку, но я, уже падая, оттолкнулся, послав свое тело вдоль стены... Значит, все-таки долетел.

– Выходи! – приказала Тира Викантина.

Да-да, я знал, как ее зовут, ведь она и вправду была моей сестрой. Не родной, сводной. Тира Викантина Варра, вспыльчивая и сильная, волевая и умелая в бою, немного смахивающая на мужчину – не внешностью, она вполне красива, но повадками, грубоватостью (во многом напускной) и прямоотой...

– Нет, стойте, – вмешался блондин. Пошевелил массивной челюстью, украшенной шрамом, потер низкий лоб, отнюдь не свидетельствующий о величине интеллекта, который за этим лбом упрятан, и добавил: – Тира, это ж Кей Варра, сам Магический Вор. Ты собираешься вести его туда вот так просто?

– А в чем дело?! Ладно, Барлоу, ты прав, надо его обыскать. Вор – стоять на месте, руки за голову. Ну!

Теперь, когда я выпрямился, за окном стала видна маленькая терраса с примятой растительностью. Сколько времени прошло после того, как я свалился с карниза? Они могли искать меня довольно долго, сначала во дворе внизу, потом в башне. Было ощущение, что миновало не меньше часа, определить точнее не получалось. В сокровищницу я проник около полуночи... кажется, до рассвета еще далеко.

Сзади Тира плашмя ударила меня клинком по ногам, принудив опуститься на колени.

– Руки за голову!

– Я тоже тебя люблю, сестренка, – промямлил я, сцепляя пальцы на затылке, и вдруг сообразил, что раненая рука совсем не болит. Она пульсировала теплом и холодом попеременно, это было странное ощущение, но – никакой боли.

Теперь я не видел Тиру и болотного тролля, только квадратная рожа Барлоу маячила передо мной. Он отступил на шаг, подняв факел к потолку кладовой, многозначительно покачал мечом перед моим носом. Здоровый парень, грудь колесом, руки сильные, сразу виден боец. Глядел он на меня с любопытством, но в целом скорее равнодушно. Наверное, сильные чувства, как и глубокие мысли – не его конек.

Сзади шелестнуло, когда Тира вложила меч в ножны, ее руки начали ощупывать мои плечи, грудь.

– Что за кольцо? Расцепи пальцы.

Я подчинился, и она сдернула кольцо. Фыркнул тролль, Тира сказала:

– Правильно, Маунти, это магия. Он весь увешан магией... но он не маг.

– Не мах! – глухо бормотнул тот.

– Занятный у тебя дружок, Тира, – произнес я, снова поднимая руки.

Охлопывая мои подмышки и бока, она произнесла:

– Кей Варра... вор, предатель и убийца. Знаешь, сколько хороших парней погибло этой ночью из-за тебя?

– После стольких лет разлуки ты можешь называть меня просто: дорогой братец, – заметил я.

– Ты мне не брат! – Она рванула сумку с моего ремня. – Я отреклась от тебя. Встать! К двери! Нет, стой... Маунти, теперь ты осмотри его. Обнюхай.

Когда я выпрямился, тролль пошел вокруг меня, шумно втягивая воздух. Горбатая тварь чует магию? Он засопел, сунулся ближе, яростно шевеля носом.

– Что? – напряглась Тира.

Маунти дернул башкой, недоуменно фыркая.

– Барлоу, держи. – Она бросила светловолосому сумку, обошла меня, напряженно вглядываясь. – Что у тебя еще спрятано?

– Ничего. – Я опустил руки.

– Врешь! Мечом в брюхо захотел?

– Наверняка вашим магам гораздо важнее получить от меня сведения, чем от тебя – мой холодный труп.

– Заткнись! Отвечай: что прячешь?

– Скорее всего, твоя зверушка чует остаточный след магии, который висит на мне из-за всяких побрякушек. И кольца, и тех, что в сумке.

– По-моему, на нем больше ничего нет. – Барлоу копался в сумке. – Тира, пора отвести его в главный зал. Тела уже должны были убрать.

– Маунти? – Она глянула на тролля.

Тот снова фыркнул, подался ближе ко мне, обнюхивая, недоуменно сопя, отстранился и дернул головой.

– Не вишшу, – проворчал он, сильно шепелявя. – Нету. Нищеву нету.

Тира еще несколько мгновений напряженно вглядывалась в меня и наконец шагнула в сторону, освобождая дорогу к двери. Начала было вытягивать меч из ножен, но бросила его обратно, решив, наверное, что я не стою таких усилий – из главной башни замка, находясь

под охраной двух вооруженных людей, да еще и тролля, обладающего, как и все их племя, исполинской силой, сбежать я не мог.

– Что это? – спросил Барлоу, вытаскивая из сумки мутноватый стеклянный кружок, вставленный в серебряное кольцо с цепочкой. – Я слышал про такие. Вроде как штука для тех, у кого глаза плохо видят? Этот... увеличитель?

Не дожидаясь ответа, он приставил стекляшку к глазу, и по серебряному колечку пробежал тусклый огонек. Вздвогнув, блондин отступил на шаг и опустил «увеличитель», выпучив глаза.

– Светлый Яррис! Что это я щас видал?!

– Дорогая вещь, не урони, – сказал я.

– Но это что было? Прямо вокруг нас, со всех сторон, какая-то мигающая паутина...

Маунти зафыркал, поведя носом в сторону стекляшки, которую Барлоу бросил обратно в сумку.

– «Око Кабала», – пояснил я. – Ты видел охранные структуры, встроенные вашими магами в замок.

– Мнэ... структуры? Я не знаю такого слова, вор.

– Оно и видно, – буркнул я.

– С помощью этой побрякушки он и прополз, как червяк, сквозь нашу защиту, – заключила Тира нетерпеливо. – Теперь идем.

Она пихнула меня кулаком в спину, направляя к двери, и мы вышли в коридор, такую же глухую каменную кишку, как тот, по которому я покинул сокровищницу.

В главной башне Дома Реликвий стояла суматоха, бегали люди, эхо доносило топот ног, взбудораженные голоса, где-то рыдала женщина, где-то ругались. Барлоу шел впереди. Факел он оставил возле кладовки, путь нам освещали подвешенные к потолку железные плошки с огонь-травой, сияющей мягким желтоватым светом.

– Скольких он положил? – спросил я, но мне никто не ответил. – Эй! Скольких убил лич?

– Тебе-то чего? – бросил через плечо Барлоу.

– Хочу знать, чтобы понимать, насколько вы теперь меня не любите.

– Тварь, которую ты привел, убила семерых. – Ненависть, что звучала в голосе Тиры, буквально опалила мне затылок. – Еще пятеро скончались после, отравленные ядовитой слизью, в которую превратились их глаза из-за той вспышки. Трое покалечены и никогда больше не смогут взять в руки меч, четверо ранены не так сильно. Жены и дети оплакивают своих мужей и отцов... и проклинаят тебя. Тебе было мало того, что ты сотворил тогда с Хитрым замком? Решил снова взяться за старое? Я тоже проклинаяю тебя, Кей Варра! Как и все гильдии Арды!

– Будь прокляты гильдии с их проклятиями, – ответил я, вслед за Барлоу вступая в главный зал башни.

Тела убрали, служанки замыли пол, но на нем еще оставались темные пятна. Сломанную мебель вынесли, целую растащили к стенам. Когда мы вошли, перед деревянным тронем, где сидел высокий старик в просторных серых одеждах, стояли несколько вооруженных мечами и топорами людей. Среди них были двое без оружия: седобородый с серебряным обручем на голове, и второй, смуглый, в дорожном костюме, с тщательно расчесанными, гладкими черными волосами, смазанными жиром.

Воины и маги Дома Реликвий.

С нашим появлением их разговор прервался, все оглянулись на нас, и старик на троне сказал:

– Идите, у вас хватает дел.

Стражники направились к двери у гобелена, той самой, где скрылся лич. За ней, насколько я помнил, была винтовая лестница, ведущая к основанию башни. Седобородый с обручем встал с одной стороны от трона, а смуглый – с другой. Когда он сложил руки на груди, стало видно, что пальцы его унизаны перстнями, на некоторых помигивают камни – альбиты, усиливающие природную магию носителя. Смуглость кожи говорила о том, что он принадлежит к племени фанг, обитающему за Озерами Длинной Цепи, на северо-западной оконечности Харбора.

Я встал перед деревянным тронем, разглядывая старика. Сколько же лет я не видел этого человека? У Магистра Дома Реликвий была большая шишковатая голова, мясистое лицо в красноватых прожилках и длинные руки с крупными, похожими на валуны, серыми кулаками. Старость покрыла кожу морщинами и бесчисленными коричневыми пятнышками. Даже отсюда я слышал его тяжелое дыхание.

– Здравствуй, Кей, – насунив густые брови, произнес старик.

– Как он ушел? – спросил я.

Магистр подался вперед, глядя на меня с помоста, и взялся за деревянный посох, прислоненный к трону.

– Лич, – пояснил я. – Почему вы его упустили?

– Темный Воин пересек двор, разворотил дверь у ворот и скрылся. Жаль, я не успел встать на его пути. Тогда все бы могло закончиться иначе.

– Он скрылся вместе с костяным клинком и шкурой?

Уставившись на меня тяжелым пронзительным взглядом, старик сказал:

– А ты почти не изменился, бывший сын.

– А ты обрюзг и постарел, бывший отец.

– Заткнись! – вспыхнула стоящая слева от меня Тира.

– Дочь, встань сюда... – Он показал ей на место возле трона, и моя сводная сестра, бросив: «Маунти, стереги его!» – вспрыгнула на помост и встала рядом со своим приемным отцом.

Барлоу отошел в сторону, повернувшись лицом ко мне, положил меч на сгиб локтя. Болотный тролль сопел сзади.

– Сегодня ты нанес большой вред, – продолжал Магистр. – И даже смерть не будет чрезмерным искуплением за это.

– Мы должны допросить его, а не сразу убивать, – вмешался седобородый. – Ты, вор, отвечай: что ты знаешь про этот меч и про шкуру?

Я оглядел их всех. Этот, с бородой... Вотан Гарб, если правильно помню. Вместе с Магистром и смуглым фангом он управляет Домом Реликвий. Магистр – великий маг тверди, Вотан – лекарь, знаток целебных эликсиров, а третий, кажется, его зовут Джада, огненный маг.

– Ничего не знаю ни про шкуру, ни про меч, – сказал я. – Это вы мне расскажите, зачем они понадобились личу.

– Желаете, чтобы мы пытали тебя? – спросил Вотан Гарб. – Магия может причинить много боли. Тебе ли не знать этого, Магический Вор?

Магистр выпрямился, опираясь на посох, и громыхнул:

– Вотан, у нас нет времени спорить с ним! Ни разу в границах наших стен не открывались пространственные бреши. Он привел Темного Воина – он в ответе за произошедшее, – пусть ответит на вопросы прямо сейчас или умрет на месте!

Подняв руку с распоротым рукавом, я показал им почти затянувшуюся тонкую линию, оставшуюся от раны.

– Лич полоснул меня клинком, прежде чем вбежали стражники. Мне стало плохо, я упал... Времени с тех пор прошло немного, а рана уже почти исчезла. Что это за меч? Я не знаю, но теперь очень хочу узнать.

Глаза Магистра сверкнули. Двое магов остались у трона, а он спустился с помоста по короткой лестнице. Доски стонали, прогибались под его весом. Высокий, сгорбившийся старик, если бы он распрямил спину, расправил плечи, то стал бы на голову выше меня. Медленно, тяжело переставляя ноги, тот, которого я уже давно не называл своим отцом, подошел и заглянул мне в лицо, нависая надо мной, будто столетний дуб. Подняв мое запястье, повернул, осматривая рану, снова поглядел в лицо, отстранился и позвал:

– Вотан, Джада, вы чувствуете в нем что-то? Ощущаете какую-то магию? Может быть, отраву?

– Нет, – ответил седобородый, а смуглый фанг отрицательно качнул головой.

– Маунти беспокоился, обнюхивая его, – заметила Тира.

– О чем вы? – спросил я. – Какая магия? Эта тварь в доспехе заразила меня чем-то, поцарапав вашей кривулькой?

Магистр попятился, стуча посохом, и вдруг я будто новыми глазами увидел его. Этот медлительный старик, чей хребет гнется под весом силы, накопленной за долгие годы, когда-то кипучей, бурлящей, а теперь лежащей почти мертвым грузом на сутулых плечах... Он совершенно чужой для меня. Муж моей давно покойной матери. Посторонний человек, не вызывающий уже даже ненависти. И это – мой отец? Неужели когда-то я называл его так? Слушался его, служил ему, позволял направлять свою жизнь, подчинял свои желания его причудам, шел к назначенным им целям? Как я мог поступать так? Только юность могла быть оправданием всем тем глупостям и преступлениям, которые я совершил по его воле.

– Клинок был отравлен? – повторил я.

Джада обошел трон, встав возле Вотана, негромко заговорил. Я начал припоминать еще кое-что помимо имени – кажется, этот смуглый молчаливый человек командовал экспедициями, которые Дом Реликвий посылал на юг, к далекому Краймору, в поисках дикиховинок. Путешественник и маг-воин, владеющий огненной стихией. Хорошее умение, если нужно распалить лагерьный костер в дождливый вечер... или сжечь отряд врагов. Впрочем, фанг не был сильным магом, таким, что способен укутать в огненное одеяло целую толпу.

Выслушав, седобородый кивнул и сказал:

– Магистр, мы полагаем, что должны показать ему.

– Показать что? – Тира повернулась к ним.

– Зря потеряем время, – возразил Магистр.

– Мы уверены, это будет полезно, – настаивал Вотан Гарб. Насколько я знал, он занимался переговорами с другими Домами, поддерживал связи историков с церковью Зангара и с городским консулом. Такой человек наверняка имел в гильдии немалый вес. – К тому же нам самим тоже будет полезно увидеть еще раз. Магистр, это твоя дочь, вели ей сам.

Недовольно качая головой, старик повернулся ко мне и сказал:

– Хорошо, Кей, сейчас ты кое-что увидишь. Барлоу, встань у двери. Не впускай никого, не нужно, чтобы кто-то еще видел это. Ты, как тебя... тролль, – охраняй лестницу. Святые мощи, до сих пор не могу привыкнуть, что он слушается только тебя, Тира! Скажи ему!

По ее знаку Маунти отошел к двери за моей спиной. Барлоу, сунув меч в ножны, ушел в глубь зала.

– Тира... – начал Магистр.

– Я не хочу, – сказала она.

– Пусть он увидит.

– Не хочу, – упрямо мотнула головой моя сестра. – Слишком тяжело, ты же знаешь, я собираюсь избавиться от этого проклятия!

Старик подошел к ней, взял за руку и повел к трону.

– Это дар, а не проклятие, дочь. Сядь и приступай. – Он заставил ее сесть.

– Но отец...

– Начинай! – повысил он голос. Отошел в сторону, повернулся ко мне. – Ты помнишь про умение своей сестры?

Конечно, я помнил. Тира – пифия, так их называют. Почему-то способность к предвидению чаще проявляется у женщин, мужчины владеют ею редко. Но даже среди женщин великих предсказательниц совсем мало. Моя сестра не из них, но и ее дар кое-чего стоит. Он достался ей от матери, которая вышла за Магистра, уже имея на руках малолетнюю дочь Тиру Викантину. Равно как и у него был к тому времени сын, маленький Кей, еще не забывший тепла рук своей настоящей матери, умершей незадолго до того. Женильба родителей и сделала Кея Варру и Тиру Викантину братом и сестрой, общей крови у нас не было ни капли.

Я не успел ответить, потому что Джада сказал:

– Это может быть опасно.

– Видения никогда не вредили ей, – возразил Вотан Гарб, но маг огня показал на меня:

– Нет, я про него. Внутри фантома мы не увидим, как он движется.

– Так удержи его на одном месте! – отрезал Магистр раздраженно.

Джада сбежал по лестнице, остановился в нескольких шагах от меня и вскинул руку. Двигался он плавно, мягко, быстро. Перемигнулись альбиты на перстнях. Камни, обработанные знающим свое ремесло алхимиком, могут входить в магический каскад, по очереди усиливая действие друг друга и в результате приумножая мощь главного камня, который влияет уже на силу владельца. Значит, без своих камешков Джада слабый маг, иначе каскад, удлиняющий время инициации заклинания и замутняющий четкость его действия, ему бы не понадобился.

Но вот с камнями он, что ни говори, был хорош. Я ощутил запах гари, каменный пол вокруг прочертила темная полоска, раздалось потрескивание, и меня окружил огонь. Как будто камень полили чем-то горючим, создав кольцо диаметром шагов в пять. Воздух заструился, стало теплее.

– Или ты стоишь на месте, или превращаешься в головешку, – сказал мне Джада и отвернулся к трону.

Тира через голову стянула кольчугу, бросила на пол. Под кольчугой была льняная рубаша с расстегнутым воротом, на шее висел шнурок с амулетом в виде маленького рога. Я прищурился, вглядываясь сквозь волны горячего воздуха. Скорее всего, эта штука полая, и внутри смесь, которой сестра вызывает свои трансы. Обычно видения одолевали ее

внезапно, но если она хотела пробудить свой дар, то пользовалась смесью, которую делал алхимик, работающий на гильдию.

– Зачем нам сейчас ее фантомы? – спросил я у магов. Происходящее мне не нравилось, потому что я совсем не понимал его.

– Недавно у твоей сестры было видение, – пояснил Магистр, не отводя взгляда от трона. Теперь все смотрели туда. Тира ногтем выковырнула пробку из амулета и вылила в рот содержимое. Пальцы разжались, и крошечный рог упал на грудь, тяжело вздымающуюся под рубахой. Она вжалась в высокую деревянную спинку, будто пытаясь отстраниться от чего-то невидимого, что приближалось к ней. Вцепилась в подлокотники и замерла. На скулах проступили желваки, так сильно были сжаты челюсти. Глаза зажмурены, между светлорыжими бровями залегла глубокая морщина, от чего лицо сразу постарело.

– И что? – спросил я у Магистра. – Что она увидела?

Он навалился на посох, крепко обхватил широкими ладонями, сгорбился.

– Сразу после того, как Темный Воин покинул замок и стало понятно, что нам не поймать его в ночном лесу, твоя сестра впала в транс. Ты знаешь, как это бывает с ней. Она ничего не могла поделать, просто упала и начала дергаться, потом замерла, а вокруг...

Ну да – вокруг. Видения Тиры никогда не были глубокими по времени, ни разу она не могла разглядеть что-то дальше десяти-пятнадцати дней. Зато они отличались четкостью и красочностью. И особой силой. Такой, что становились зримы для окружающих. Моя сестра буквально впихивала свои фантомы в сознание тех, кто находился поблизости.

Она тихо вскрикнула, запрокинула голову, стукнув затылком по дереву. За моей спиной встревоженно заворчал тролль. Воздух у трона задрожал, по нему прошла рябь, как по луже на ветру. Вокруг рыжей женщины образовался полупрозрачный пузырь, и будто в выпуклом зеркале, на его поверхности отразилось то, что было вокруг. Я увидел вытянутые силуэты Магистра, Джады, Вотана Гарба и самого себя, наши головы уплыли куда-то на верхнюю часть сферы, а торсы изогнулись.

Пузырь начал расти, надвигаться на нас. Его стенка подползла ближе, прошла через кольца огня, накрыла меня. Миг темноты... И все изменилось.

* * *

Я моргнул. Некратор забери нас всех, что это?! День или ранний вечер, я в том же зале на вершине главной башни Дома Реликвий. Только теперь огненного кольца нет, а вместо витража слева зияет пролом, в нем виден лес, лежащий между замком гильдии и Зангаром. Он горит, дым стоит черной стеной, полоса огня выгнулась извилистой дугой. Не понять, что с городом вдали, дым закрывает его. По тракту, проходящему через лес, что-то движется – серый поток, над ним вращается темный смерч, в котором посверкивают молнии. Кто там идет? Я не мог разобрать, но их было много, очень много, они текли от города к замку – эти существа или звери, а может, чудовища... демоны... но не люди, точно – не люди!

Прямо передо мной на троне посреди вздыбившихся кусков пола лежал Вотан Гарб, бороду его залила кровь. Вокруг груды тел, среди них мертвый Джада, но магистра не видно.

Качнулись тени, освещение немного изменилось. Я повернулся. В сплошной стене стоящего над лесом дыма образовалась прореха, возможно, из-за резкого порыва ветра. В глубине за ней мигали темно-багровые всполохи. Что происходит в Зангаре? Там тоже

пожар? Дым сразу затянул прореху, и я не успел разглядеть подробности.

А потом снаружи к разбитому витражу что-то приблизилось, большое, темное, и закрыло всю дыру.

Окружающее подернулось рябью. Я разглядел еще одно движение внутри фантома Тиры – кто-то подходил к трону сбоку... Миг тьмы, и видение исчезло.

Снова кольцо пламени возникло вокруг меня, в мгновение ока затянулись проломы, сменившись целыми витражами, исчезли мертвецы. На месте мертвого мага-лекаря на троне сидела, тяжело дыша, моя сестра. Маги стояли там же, где и раньше.

Тира заморгала, приходя в себя. Медленно встала, пошатнулась, схватилась за подлокотник. Переступив через свою кольчугу, тяжело опустилась на край помоста. Ссутулилась, спрятала лицо в ладонях. Вотан Гарб повернулся ко мне:

– Ты все разглядел, вор? Готов взвалить на себя вину за смерть сотен или тысяч людей?

– С чего ты взял, что это из-за меня? – Я говорил негромко, чтобы голос не выдал волнения. Фантом Тиры и вправду пугал. Эта кровь, эти тела, пожар и смерч... И кто там двигался по тракту, кто подлетел к башне? Я так и не сумел понять этого. Моя сестра всегда видела самое вероятное будущее, ее фантомы обязательно сбывались, если только не предпринять какие-то очень серьезные действия, чтобы изменить течение событий.

– А как еще объяснить видение, которое случилось сразу после того, как Темный Воин ушел отсюда? – спросил Магистр. – Фантом стал следствием этого события. Каким-то образом ты впустил сюда лича, и как только он вырвался из замка, твоя сестра увидела такое будущее.

– Пусть так, но *что* мы видели? Я не могу поверить, что вдруг возникшее из ниоткуда войско... орда, полчище нечисти, темная рать, называйте как хотите, разграбило всю округу и подожгло город. Да откуда они вдруг взялись? Мы же в северной Арде. Побережье Кривого залива – одно из самых спокойных мест северо-запада!

– Могли подойти из залива или с моря, – предположил Барлоу, возвращаясь к нам от двери. – Пираты или кто-то еще.

Магистр покачал головой:

– Нам угрожают не пираты.

– Тогда кто? – спросила Тира сквозь ладони.

– Темное древнее колдовство! – провозгласил Вотан Гарб.

Она подняла голову с вопросительным выражением на лице, а я спросил:

– О чем это ты?

– Посмотрите туда. – Маг-лекарь махнул рукой в сторону гобелена на стене за тронем.

Золотом и серебром там был изображен Святой Круг, символ года, символ Ярриса, Бога-Солнца, символ всего нашего мира. Дюжина длинных лучей расходилась от него – двенадцать месяцев, и на девятом луче был изображен черный череп с перекрещенными под ним мечами. Я нахмурился, не понимая, к чему клонит Вотан Гарб. Ну да, сейчас месяц Цапли, девятый в году. Только-только начало холодать, на востоке, возле гор, еще жарко, но Арда – полуостров, и говорят, что здесь погода другая из-за прохладного течения, огибающего наши земли с юго-запада. Хорошо, вот он, этот месяц, на Святом Круге, ну и... Ах вон оно что!

– Я не понимаю... – начал Барлоу, растерянно потирая челюсть, и тогда Тира сказала:

– Чернодень.

Не отрывая взгляда от серебряного черепа на гобелене, я кивнул. Черный День, ну

конечно. Сколько же с тех пор прошло...

– Сто лет. – Сестра будто читала мои мысли. – И все же, Вотан, что ты имеешь в виду?

Теперь все глядели на гобелен. Век назад легендарным герой Теамат Северянин со своей летающей колесницей богов, вступив в союз с Магическими Домами, сумел разбить гильдию колдунов-некромагов. Этот день называли Черным не зря, победа обошлась слишком дорого. Хотя живых свидетелей тех событий давно не осталось, до сих пор в народе ходят легенды про реки крови и горы трупов, про оживших мертвецов и смертельные магические бури.

– Кто-то, – медленно проговорил я, – собирается устроить нечто в годовщину Чернодня?

– Древнее зло поднимает голову, – сказал Вотан.

В другое время я бы поморщился от этих слов, а то и рассмеялся бы в голос, но не сейчас. Мое кольцо... Так вот почему оно остыло, а не нагрелось, как всегда! Кольцо ощутило не обычное колдовство, а близость некромагии.

– Но до годовщины Чернодня всего трое суток, – сказала Тира. – И я все еще не понимаю, при чем тут костяной клинок?

Вотан Гарб показал на меня:

– Мы выясним это, когда Кей заговорит.

– Его нужно пытаться, – повторил Магистр.

– Меня наняли, вот и все, – произнес я, решив, что пора рассказать хотя бы часть правды.

Все уставились на меня, и на этот раз вопрос задал Джада:

– Кто и для чего? И как ты проник в нашу сокровищницу?

Скользнув пальцем по шраму на месте раны, я быстро прикинул, как много могу сказать им сейчас, и осторожно произнес:

– Словоключ, снявший огненный полог в воздушном колодце, мне передал мой наниматель.

– Но зачем? – спросила Тира. – Для чего тебя наняли?

– А вы обыскали сокровищницу? – спросил я. – Нет? В суматохе вам это просто не пришло в голову. Там под стеной лежит черный браслет, наниматель дал мне его вместе с заклинанием. Я должен был пронести браслет в сокровищницу и оставить лежать где-то в укромном месте. Не думаю, что вы часто допускаете туда подметальщиц.

– Что посулили в награду? – спросил Джада.

– Все, что смогу унести. Но здесь браслет создал портал. Можете не верить, но это было неожиданно для меня. Из портала вышел лич и сорвал со стены сверток, где оказался этот меч. Лич пришел именно за ним, не знаю, прислал ли его мой наниматель, а может, наоборот, лич заставил или подговорил его нанять меня для этого дела.

– Никто не может прислать Темного Воина, – возразил Вотан Гарб и осенил себя знаком Святого Круга. – Разве что сам Некратор или Кабал Трехглазый, но я надеюсь, мы тут обойдемся без вмешательства древних божеств.

Магистр покачал головой.

– И ты был настолько доверчив, что согласился пронести сюда непонятный амулет? Слишком глупо, Кей!

Я кивнул:

– Конечно, это было глупо. Хотя мой наниматель объяснил причину. Сказал, что ваша гильдия перехватила у него кое-что. Вы украли из его каравана, возвращающегося с юга, одну

ценную вещь, реликвию – камень из какой-то там древней короны, за которым и он, и вы долго охотились, вот только его люди отыскиали его первыми. Мол, вы камень похитили, он это подозревал, но доказательств не имел. Браслет должен был ощутить присутствие камня в сокровищнице и передать нанимателю послание про это. Причем он не просил меня выкрасть камень и принести ему, наоборот, хотел, чтобы я его не трогал. Хотел только узнать, у вас ли он, и затем действовать как-то по-своему. Возможно, договариваться с вами...

– Чушь! – фыркнула Тира. – Как можно поверить в подобную сказку?

– Не такая уж и сказка, – проворчал я. – Такое вполне могло произойти. И потом, очень уж хотелось попасть сюда.

– Ты – низкий предатель! – вскипела она, сжимая кулаки. – Душегуб, убийца! Ты все никак не можешь оставить нас в покое, желаешь отомстить тем, кто не сделал ничего...

– Да нет, просто хочу набить мощну вашими сокровищами, – перебил я, криво улыбнувшись, и вдруг ощутил, как в животе набухает теплый ком. Сглотнув, переступил с ноги на ногу. Неужели начинается припадок вроде того, из-за которого я свалился с карниза? Раненая рука задрожала, начала пульсировать теплом и холодом.

Магистр, стуча посохом, принялся ходить вдоль края помоста. Доски скрипели и гнулись под ним.

– Тобой воспользовались, чтобы доставить сюда амулет, который стал точкой привязки портала. И что потом? Почему Темный Воин не ушел тем же путем?

– Я не позволил ему.

Он повернулся ко мне, странное выражение промелькнуло на его лице и тут же стерлось.

– Не позволил?

– Так и было. Швырнул в портал кое-что, упавшее с полок. Старая магия реликвий сломала портал, и он исчез. Поэтому лич и вынужден был покинуть замок обычным путем.

– Значит, ты не просто привел его к нам. – Тира ткнула в меня пальцем. – Ты еще и не дал ему уйти порталом, после чего он стал убивать!

– Как зовут твоего нанимателя? – спросил Вотан Гарб.

– Что за меч он унес? – задал я ответный вопрос.

– Говори, вор! – повысил он голос. – Нам нужно имя твоего нанимателя, нужно схватить его и вытрясти правду. Не подымая шума, потому что если в зангарской церкви узнают и слухи дойдут до других Домов... Они воспользуются этим, чтобы уничтожить нас. Все это необходимо сделать прямо сейчас. Твой наниматель из Зангара? Его имя? Отвечай!

Я повторил:

– Что за клинок лич унес из сокровищницы? Чем он отравил меня?

Вотан Гарб прожег меня взглядом, но взял себя в руки и заговорил:

– Мы не знаем. Никто не знает. Просто древнее оружие, привезенное одной экспедицией из-за Краймора. Его нашли давным-давно, какое-то время изучали, потом потеряли к нему интерес. Это было много лет назад, меч висел в сокровищнице долгие годы, провисел бы еще десятилетия, но вдруг являешься ты, после стольких лет отсутствия, забираешься к нам, открываешь пространственную брешь, впускаешь Темного Воина, и он уносит меч с собой. Теперь скажи нам имя нанимателя, или я соглашусь с Магистром в необходимости немедленных жестоких пыток.

– Если я скажу, кто наниматель, пытки будут не нужны. Вы просто убьете меня.

– Думаешь, я прикажу убить собственного сына, пусть даже мы отреклись друг от друга? – спросил Магистр.

Я оскалился в ответ.

– Великий Некратор! Ради всей тьмы мира, старик, мы оба знаем, что когда-то ты уже приказал убить меня!

– Потому что ты заслужил смерть! – выкрикнула Тира.

– Может быть, но я не рассчитываю погибнуть этой ночью. – Я окинул их всех презрительным взглядом. – Вам не стоит надеяться, маги, ни на одно мгновение, что я поверю вам хоть в чем-то, что сделаю хоть что-то в ваших интересах.

– Сверхпредатель, – проговорила моя сестра с каким-то даже удивлением в голосе, будто впервые увидела меня и узнала про мои дела. – Так тебя прозвали: Сверхпредатель. Ты – причина смерти сотен людей. Но тебе не присущ стыд, да, Кей Варра?

– Не больше, чем твоему приемному отцу, сестра, – ответил я. – Так вот: имя своего нанимателя я не назову, зато отведу вас к нему.

– Отведешь... – повторил Магистр. – А если что-то случится с тобой в дороге?

– Этот человек живет в Зангаре. До города совсем близко, что может случиться?

– Поступим иначе, – снова заговорил Вотан Гарб, – ты назовешь его и останешься здесь.

– Вы так и не ответили, что помешает вам убить меня?

– То, что ты можешь назвать неправильное имя. Мы должны будем проверить.

Этот довод я предвидел и знал что ответить:

– Если назову не то имя, все станет бессмысленным, потому что вы вернетесь из города ни с чем, и мы опять очутимся в том же самом положении. Но если имя будет верным, если я правильно укажу улицу, где живет этот человек, то вы схватите его, выбьете из него правду... И в третий раз я спрашиваю: что в этом случае помешает вам убить меня? Ответа у вас нет, а значит, мы поступим по-моему и отправимся туда вместе.

– А что, если я раздроблю твои кости прямо сейчас?! – прорычал Магистр и вскинул сжатый кулак, большой, серый, угловатый, как неотесанный булыжник. Широкий рукав упал, открыв руку, на которой отчетливо проступили темно-синие вены. Задрожал пол. Старик подался вперед, медленно поднимая кулак выше, пол начал трястись, мелко зазвенели витражи в окнах, и я пригнулся, пошире расставив ноги. Затрепетало, загудело кольцо пламени вокруг меня.

– Магистр! – окликнул Вотан Гарб предостерегающе.

– Пора уничтожить предателя! – громыхнул тот, и пол затрясся сильнее.

– Тогда мы не получим ответа на наш вопрос!

Барлоу попятился. Под ногами разбежались трещины, часть каменной плиты начала приподниматься вместе со мной, я взмахнул руками, пытаюсь удержать равновесие. Кольцо пламени стало гаснуть. Либо более мощное заклинание Магистра гасило колдовство Дажды, либо маг огня не мог больше поддерживать пламя, потому что запас маны в его теле и в камнях на его перстнях оскудел.

Тусклое мерцание возникло в воздухе рядом со мной.

В раненую руку будто ткнули факелом, но жар мгновенно сменился ледяным холодом. Под грудью зашевелился тугой ком, забился, как второе сердце.

И начал расти.

Тира испуганно вскрикнула, громко выругался Барлоу, и что-то заговорил Вотан Гарб. Кольцо пламени исчезло, стихла дрожь камней. Все в немом изумлении уставились на меня.

Перехватило дыхание. Захрипев, рванув ворот рубахи, я повалился на спину, перевернулся на бок.

Глухая черная волна прошла по телу. Я разинул рот в беззвучном крике при виде того, как ногти на раненой руке выворачиваются из пальцев, отпадают вместе с кровавыми ошметками мяса, как их выталкивают лезущие наружу кривые острые когти. Моя кожа трескалась, серела. На запястьях прорастала темная шерсть.

Куртка с рубахой внезапно стали тесными, я вскочил на колени и рванул их на груди.

Боль еще усилилась, хребет выгнуло дугой. Челюсти с мучительным хрустом выдвинулись вперед из черепа, из них полезли волосы. Почти ничего не соображая от боли, я снова упал на спину. Ноги выгибало и корежило. Содрогающимися руками, которые менялись прямо на глазах, стащил с себя сапоги, сорвал штаны. Серая шерсть... Длинные ступни... Когти... Боль накатывает судорожными волнами, крушащими мое тело... Услышав шаги, я вскочил на четвереньки. Барлоу бежал ко мне, заноса меч для удара. Я взвыл, прыгнул на него, сбил с ног, лязгнув челюстями, пытаюсь вцепиться в лицо, но он откатился, и я побежал дальше. Кто это? Тира, сестра! На лице ужас. Она отскакивает в сторону, за трон, возле которого стоят другие...

Люди! Растерзать! Нет – не сейчас – еще слаб – нужно бежать, замок полон врагов!

Я бросился через помост, к двери. Сзади раздались крики и топот ног. Полыхнуло жаром, затрещала шерсть, доски под лапами дрожали и лопались. Снова магия? Пытаются накрыть меня заклинаниями? Не выйдет!

Влетев в дверь, я помчался вниз по крутой лестнице. На пути попалась служанка, спешащая с корзинами в руках. Раздался истошный визг, корзины полетели на ступени, посыпалось белье.

Каменная площадка, вторая дверь, и вот он – просторный замковый двор. Костры, факелы, люди. Меня пока не замечают. Замковая стена и ворота, дыра на месте двери в левой створке, рядом стражники и рабочие с инструментами. Заделывают пролом, оставленный личем? Вот он, мой путь наружу!

В прыжке я сбил с ног сразу двоих. Вокруг завопили, и тут же ворота остались позади. Там запоздало щелкнула тетива лука, стрела пролетела далеко в стороне. Трава... деревья... Теперь меня не догнать!

Еще долго я несея по ночному лесу и наконец стал уставать. Выскочив на большую поляну, остановился. Силуэты деревьев чернели вокруг. В небе висели маленький красно-желтый Ярри и большой бледно-серебристый Марри. Будто два разновеликих глаза, они смотрели на меня с высоты.

Свет их лег на мою заросшую шерстью голову, а сами они заглянули мне прямо в душу. Я разинул пасть, сел и обратил морду к черному небу.

И огласил лес протяжным волчьим воем.

Клянусь черной душой Некратора – такой звук мог издать только очень удивленный, очень растерянный волк!

Трава... Кусты... Дерево... Белка! Ее дух – тонкий, едва уловимый, но я чувствую. Жрать! Голод! Я голоден! Жрать белку!

Но белка вверх, в дупле на дереве, мне туда не добраться. Ведь я же волк. У меня сильные лапы, длинные когти, а челюсти как стальные капканы, но все это не приспособлено для лазанья по деревьям. Я закрутился на месте, потом забегал кругами по поляне, пытаюсь унять дикий хаос в голове. Я волк! Я волосатый и клыкастый! У меня нет имени!

Имя есть! Я – Кей Варра. Человек! Не волк! То есть... оборотень? Да! Оборотень – не значит волк!

Эта мысль помогла мне совладать со своим обескураженным, протестующим разумом. Я прекратил бессмысленно носиться по поляне, заставил себя снова сесть и при этом не выть. Спокойно, Кей. Ты не волк, ты – оборотень. Значит, можешь снова обратиться человеком?

Следующие несколько минут я пытался проделать это. Напрягал волю, напрягал свое новое тело, катался по траве, дергался, как припадочный, и в конце концов, обозлившись, в ярости выл, хрипел, рычал, рвал траву. Потом набросился на дерево, исполосовал его ударами и лишь после того опять заставил себя успокоиться.

А теперь думай. Думай! Это все очень неожиданно, невероятно и пугающе, но ты все еще жив. Жив, силен, не ранен, можешь размышлять и действовать. Хотя мысли стали как-то проще, а? Проще и еще кровожадней. Хорошо, что ты сам это осознаешь.

Ты помнишь, кем являешься, как очутился здесь. Теперь надо разобраться, что делать дальше. Твой наниматель, отправивший тебя на это дело в замке, – нужно к нему, проникнуть в его дом, схватить его за жирные бока и вытрясти правду о браслете и лице. Но не можешь же ты ворваться в город в личине волка! Сначала нужно обратиться человеком. Хотя ты уже пытался, не получилось. И что теперь? Как снова стать человеком, как?!

Я чуть было опять не завыл, но вовремя взял себя в руки... то есть в мохнатые лапы.

Помочь может маг. Среди них есть те, что занимаются природными трансформациями. Только в окрестностях Зангара ты, Кей, не знаешь ни одного такого, к тому же ты не любишь их братию, а они ненавидят тебя – те, конечно, которые знают, кто ты такой, – и ни один по своей воле не станет помогать...

А может, Мозгосос? Но он же в городе, а как добраться туда в этой личине? Здоровенный серый волк на улицах Зангара! К тому же Мозгосос – из магов-менталистов, он может проникнуть тебе под череп, но не занимается трансформациями, скорее всего мало в них смыслит. Тогда кто еще?

Ведьма, конечно, старая ведьма Рагда! Она живет к югу от этого места, ближе к городу, не очень-то далеко. Надо к ней, Кей. Ведьма может вытащить тебя из волчьей личины. Наверное. Если не сможет она – не сможет никто.

Звериным чутьем безошибочно определив направление, я побежал к жилищу ведьмы. Мелькали ветки, шелестела листва, сильное тело перемахивало через коряги и кусты, ныряло в ложбины. Ночной лес дышал запахами, богатыми, глубокими, какие я никогда не ощущал раньше. За черными ветвями в небе скакали два глаза, желтый и серебристый, они смотрели на меня, а я бежал, как не бегал ни разу до этого дня.

В голове крутились смутные картины, навеянные фантомом Тиры. Бушующие лесные пожары, багровые зарева, клокочущие смерчи. Вот только зачем кому-то все это могло понадобиться, я не понимал. Не собирается же неведомая сила просто уничтожить Арду или весь Гигран – зачем? Это задача для злобных древних богов, не для людей. Не верю, что боги вмешиваются в наши дела. Давно прошли темные эпохи, мы живем в век просвещения. Маги исследуют законы магии, алхимики исследуют законы природы. На свете живет много всяких существ, от магических кадавров, болотных троллей и горных камнекрылов до диких гнохов, демонов южных пустошей и волков-оборотней, но... боги? Они остаются где-то за гранью, быть может, за Срединным хребтом, а в мире людей их давным-давно не видно.

Нет, тут другое, все просто: кто-то рвется к власти. Ведь так оно всегда и бывает, во все времена самым главным была звонкая монета и повиновение других. Ладно, пусть это общая цель неведомых мне пока врагов, но что они собираются предпринять, для чего им понадобился костяной меч?

Когда на пути открылось лесное озеро, я впервые смог увидеть свой новый облик, заглянув в темное зеркало воды. Серая морда, черные глаза. Светлая полоска от носа ко лбу, мохнатая шея, длинные лапы. А я красавец. На волчий манер. Крупный, гораздо крупнее обычного волка, самец-богатырь с широкой грудью. Какая-нибудь волчиха вполне может положить на меня глаз... Фыркнув, я снова побежал.

Вскоре деревья расступились, и взгляду открылась глубокая расселина, где обитала ведьма Рагда, когда-то принимавшая роды у моей давно покойной и всеми забытой матери.

Дальше лес заканчивался, в бледном свете Марри и Ярри раскинулись поля, где стояли крестьянские дома. За ними маячила стена крепости Дома Вигов, небольшой магической гильдии. Ходили слухи, что в ближайшее время их окончательно подчинят маги-менталисты, и виги станут еще одним вассалом Дома Ментала.

За полями лежали леса и луга Арды, если двигаться в ту сторону, очутишься в северном Гарвиане с его каменистыми пустошами и старыми шахтами. По левую руку там высятся горы Срединного хребта, а по правую лежит центральный Гарвиан и вдали Озера Длинной Цепи. И по всем этим землям раскиданы города, деревни, лесные поселения, крепости, древние руины, замки магических гильдий, торговые фактории и молельные дома с золотыми кругами на шпильях. Много народностей живет в Гигране, много зверей и тварей магических населяет его, и давным-давно никто здесь не сталкивался с проявлениями запретной некромагии.

Расселина была следом давнего магического удара, какого-то очень сильного заклинания, изменяющего растительность и, в меньшей степени, ландшафт. Наверное, бой, в котором его использовали, происходил еще во времена противостояния с Домом Смерти. Хотя с той поры прошло без малого столетие, здесь до сих пор не росли деревья, лишь бурьян с необычно толстыми, прихотливо изгибающимися стеблями.

Я скатился по крутому склону. В нем была дыра с круглой дверью, чтобы попасть к ней, пришлось пересечь грядки, где желтели крошечные дыни и аккуратными рядами росли кусты. Глину и землю со своего огорода Рагда использовала для всяких колдовских дел, содержание маны в ней было очень велико. Минувя огород, я по широкой дуге обогнул большое пугало. Мастер Крум, так его звали: ветхий кафтан, к рукавам пришиты латные перчатки, на ремне висит ржавый палаш, а наверху плотно сидит тыква с дырами глаз и щелью рта, накрытая вместо шляпы черным котелком.

Из дыры в котелке торчало воронье перо, острым концом воткнутое в тыкву. В глубоких

круглых глазницах тлели огоньки. Внутри Мастера Крума жил старый злопамятный дух, и он надежно охранял не только огород Рагды от птиц, но и ее жилище – от грабителей.

Дверь была приоткрыта, изнутри лились отблески огня. Мастер Крум хорошо знал Кея Варру, но он не знал оборотня, и я опасался, что дух-сторож постарается не впустить меня, но пугало не шелохнулось. Толкнув мордой дверь, я сунулся внутрь. Отсюда расходились два земляных коридора, левый вел к спальне и каморе, где Рагда хранила припасы, а правый, подлиннее, – к земляной пещере в глубине склона. Я побежал туда, пытаясь призывно залаять, но лишь рыкнул. С твердого черного свода свисали корни, к некоторым были прилеплены комки светящейся глины. Хозяйка умела обрабатывать их так, что они сияли годами.

Возле булькающего на огне большого котла стояла высокая старая женщина в сером платье, платке и тупоносых ботинках. Услышав меня, она обернулась. На плече ее сидела лохматая ворона, в руках был парящий половник, а на шее бусы из сушеных грибов, ягод и маленьких шишек.

Я остановился. Ворона каркнула.

«Это кто здесь... Кей?» – удивленный голос прозвучал в моей голове.

Рагда была немой с рождения, но это не мешало ей говорить с людьми. Она умела вкладывать свои мысли – или свой голос – прямоком в головы других. Я рыкнул в ответ и безуспешно попытался встать на задние лапы. Как и Мастер Крум, она сразу узнала меня, значит, в личине оборотня остается что-то от человека, и те, кто связан с магией, могут видеть это.

«Когда ты успел стать волколаком?»

Я снова зарычал, пытаясь мысленно передать ей хотя бы часть того, что случилось со мной... тщетно, отвечать старой ведьме нужно вслух. Рагда воспринимала только общий поток чувств, настроение, именно поэтому, при всей своей магической силе, она жила в глуши, одна, стараясь поменьше видеться с людьми. Когда их поблизости было много, голова у нее буквально разрывалась.

Она вылила содержимое половника обратно в котел.

«Не понимаю».

– *Непанимаю!* – каркнула ворона.

Птица умела произносить отдельные слова. Иногда мысленное послание хозяйки пробивалось в ее маленький мозг, и ворона повторяла его.

«А ты понимаешь меня?»

Я кивнул и уселся, будто послушный домашний пес.

Рагда еще некоторое время разглядывала необычного гостя, потом в сознании прозвучало:

«Ты стал оборотнем по своей воле?»

Нет, – качнул я головой.

«Как давно? Ты обратился больше суток назад?»

Нет.

«Вчера?»

Нет.

«Этой ночью?»

Да.

«Это твое первое обращение?»

Да, да! – закивал я.

«Ты можешь перекинуться обратно?»

Нет!

«Не пробовал? Не умеешь?»

«Да! То есть – нет! Не умею, не знаю!» – Я сначала стал кивать, потом отрицательно мотать головой, а потом, разозлившись, зарычал.

«Молчи!» – велела она, и ворона каркнула:

– *Малчи!*

«Только двигай головой. Кто тебя заклял? Маг?»

Нет!

«Но как же тогда... Нет, конечно, ты не сможешь объяснить».

Хрипло затаввав, я вскочил, прыгнул к земляным полкам, уставленным горшками, мисками и банками. Подбежав туда, где они заканчивались, когтями пробороzдил стену, пытаясь изобразить кривой клинок. Полетели крошки закаменевшей земли, я взвыл, увидев, что ничего не получается, и услышал повелительный оклик в своей голове:

«Кей! Мальчик! Успокойся!»

Никто, кроме Рагды, очень давно не называл меня мальчиком. Хотя и она делала это не из какой-то особой нежности, а скорее по старой памяти, ведь когда-то помогала матери воспитывать меня. Прекратив полосовать когтями стену, я развернулся к ней.

«Ты можешь снова обратиться человеком», – это было утверждение, не вопрос.

– *Мажешь!* – каркнула ворона.

«Для этого нужно только усилие, понимаешь? – Голос старухи в моей голове звучал отчетливо и резко. – Можно заставить свое тело. Просто заставить его. Хотя в первый раз, с непривычки, трудно».

Заставить свое тело? Но я уже пытался на поляне! Снова усевшись, я зажмурился и сказал сам себе: ты – человек. Ты, Кей Варра, на тебе не растет шерсть, у тебя нет клыков, ты не рычишь!

Ничего не произошло, я по-прежнему был большим серым волком. Не в силах передать свои чувства словами, я завыл, обратив морду к земляному своду и корням, на которых висели кусочки светящейся глины.

«Успокойся, мальчик. Потворствуя волчьим мыслям, ты укрепляешь волчье в себе. Если это твой первый раз и тебя обратили насильственно, то нужно быстро обратиться человеком, иначе ты можешь потерять себя. Утратить личность».

Что, еще и так?! Я завыл громче.

Рагда посмотрела на котел, перевела взгляд на ворону на своем плече, та в ответ повернула голову, сбоку уставившись в лицо хозяйки. Кивнув, будто приняв решение, ведьма поспешила к полкам за котлом и принялась что-то собирать с них. Двигалась она так быстро, что птица качнулась на плече, раздраженно каркнув, крепче вцепилась в ткань.

Ведьма сгребла с полки пару кувшинов, потянула с вбитого в стену гвоздя связку корешков. Подошла к столу, то есть большому плоскому камню, лежащему на четырех столбиках возле котла, поставила все это туда, схватила доску для резки и нож. Раздался частый стук, когда она принялась крошить длинный корень.

«Кей, видишь зелье в котле? Я делаю его к Чернодню. Заказ от странствующих циркачей. В этом году они хотят устроить в Зангаре большое представление, а зелье нужно, чтобы создавать иллюзию. Если человек обольется им, то на какое-то время для других кажется

монстром. Они решили, это будет в духе праздника».

Я захрипел и зафыркал в ответ, пытаясь сказать, что не понимаю ее. Во время празднования Чернодня в городах Арды устраивают темные карнавалы, люди одеваются кровососами, гнохами, троллями, ожившими мертвяками и всякими чудищами. Обмазывают лица черным и красным, насаживают на палки тыквы с вырезанными в них рожами. Заезжие циркачи в такие дни устраивают представление с монстрами и прочим, но какое отношение это имеет ко мне?

Когда я зарычал на нее, Рагда ответила:

«Если поменять направленность воздействия моего зелья и усилить его, это должно помочь тебе. Квая!»

Так звали ее птицу. Она взлетела с плеча склонившейся над столом ведьмы, и у свода закачались потревоженные корни, по пещере забегали пятна света. Квая черной тенью порхнула к полкам, села на одну, закопошилась и вернулась обратно. Опустилась на край стола, сжимая клювом кожаный мешочек. Рагда схватила его и высыпала в большую каменную чашу темный порошок. Туда же полетела труха с доски.

«Теперь кровь химеры».

Ворона снова устремилась к полкам, вернулась, и в чашу отправилось содержимое длинного глиняного флакона с узкой пробкой, похожего на свечу. Зашипело, взлетел клуб густо-черного пара, будто пятно тьмы, в котором трещали искры. Он растаял у свода пещеры, и корни, свисающие в том месте, зашевелились, сворачиваясь спиралями и разгибаясь.

Я удивленно рыкнул. На концах корней прорезались глаза, разинулись пасти, высунулись раздвоенные языки. Теперь из потолка торчал ворох шипящих змей, и если бы я оставался человеком, то рассмеялся бы, увидев, как некоторые из них дергают и мотают головами, пытаясь избавиться от застрявших в пастьях липких комков светящейся колдовской глины. Это лишь иллюзия, или корни вправду обернулись змеями под влиянием магического испарения?

Голос в моей голове объявил:

«Теперь самое главное».

Она поспешила в глубину пещеры и вскоре вернулась, осторожно сжимая в руках длинный рог, заткнутый пробкой.

«Желчь буйволака. У меня ее почти не осталось. Очень трудно достать».

Ведьма вырвала пробку и вылила содержимое рога в чашу, отвернув в сторону лицо.

Мне показалось, что на столе ударила молния. Чаша содрогнулась, в ней что-то взвизгнуло, затрещало, заклокотало. На моих глазах она начала сминаться, словно состояла из вязкой грязи, оплывать. Квая всполошенно закаркала. Отшвырнув рог, ведьма двумя руками схватила чашу, метнулась к чану и бросила ее туда.

В чане загудело, там замигали всполохи света.

«Кей, сюда! Быстрее подойди ко мне, пока реакция не прекратилась!»

Я подбежал к ней и услышал повелительное:

«Встань на задние лапы, загляни!»

Котел покоился на круге камней, внутри которого ярко горел небольшой костерок. Я приподнялся, упершись в край передними лапами, вытянул шею. В густом пахучем месиве кружились листья, разваренные веточки, клочья чего-то непонятного. В морду пыхнуло жаром. Она хочет, чтобы я пил это? Но там же кипяток... или почти кипяток... Хотя глотке оборотня это может быть нипочем, но все равно... Хорошо, могу хлебнуть, если так надо, но

нужен половник или чашка.

Тут ведьма сказала: «Загляни туда, мальчик. Загляни, это важно», – и я, не понимая, что ей нужно, сунулся в котел еще дальше. Квая громко каркнула. Рагда присела, обхватив меня за нижние лапы, распрямилась и опрокинула вперед, головой в ведьмовское месиво.

Ударившись мордой о дно, я изогнулся и вскочил, воя от ужаса и боли. Как будто бросили в жидкий костер! Шерсть задымилась, глаза вылезли из орбит, язык вывалился из пасти опшаренным куском мяса. Я попытался с ходу выпрыгнуть, увидел, как моя морда уменьшается, втягиваясь обратно в череп, и уперся в край котла передними лапами.

Волчья шкура слезала с них полосами, обнажая человеческую кожу.

* * *

Не знаю, откуда в жилище Рагды взялись эти штаны и рубаха, скорее всего они были из тех вещей, которыми с ней за какие-то услуги расплачивались крестьяне, редко имеющие лишний медяк. Здесь нашелся и старый кафтан, а вот сапог не оказалось, лишь рваные ботинки.

Но я не жаловался. Пусть одежда чужая, зато я надеваю ее на свое тело. Человеческое, мое, родное, еще молодое, поджарое, без жира на брюхе, с узкими бедрами, крепкими ногами и ягодицами, и никаких тебе мохнатых отростков над задницей, и никаких волосатых пальцев и когтей!

Застегивая рубаху, спросил у ведьмы:

– Зачем ты бросила меня в котел, не предупредив? Я чуть было не обделался с перепугу!

«Ты бы не решился прыгнуть сам, начал бы драться».

Она взяла с полки длинную деревянную ложку, подступила к котлу и стала перемешивать содержимое. Костер в круге камней успел погаснуть, в котле уже не булькало. Натянув ботинки, я подошел к ней. Зелье помутнело, запах его изменился, в нем появилась горчинка.

– Твое месиво испорчено? – спросил я, возвращаясь к столу.

«Кажется, циркачам придется обойтись без него. А они обещали мне пять монет».

– Я заплачу тебе позже. Сейчас у меня ничего нет, кошель вместе с сумкой остался в Доме Реликвий.

Ложка стукнула о котел, и ведьма замерла, стоя спиной ко мне.

«Что ты делал в их замке? Это твой отец обратил тебя? Нет, он маг тверди. Тогда кто? Расскажи все».

От Рагды не было смысла ничего скрывать, и я стал говорить:

– Этой ночью я забрался в сокровищницу Дома Реликвий. Один человек из города нанял меня, чтобы пронести туда браслет. Якобы сигнальный амулет, но на самом деле браслет открыл портал, пробив их защиту. Через него внутрь проник лич. Хотя я не знаю, как выглядят настоящие личи, видел их только на старых фресках и в книгах. Я даже не очень понимаю, что они такое.

«Драколич, горголич, лич-человек... Плохая магия. Лич – тот, чье существование поддерживается некротическим колдовством. Некрожизнь».

– В общем, лич пришел за висящим на стене свертком, то есть старой шкурой, в которую был завернут костяной меч. Кривой клинок, провисевший там один Некратор знает сколько

лет. Так, во всяком случае, позже сказал Магистр. Лич взял клинок и ушел, успев ранить меня. Всего лишь царапина, но... – Я отдернул рукав, посмотрел на кисть. Рана стала тонким прямым черным шрамом. – Клинок чем-то заразил меня.

Рагда прошла к полкам и стала что-то передвигать на них. В голове прозвучало: «Говори дальше».

– Ты что-то знаешь про кривой костяной меч?

«Пока что просто рассказывай, Кей».

Пришлось рассказывать. Услышав о призраке крылатого волка, ведьма внешне осталась спокойной, но ворона на плече придушенно каркнула да так и застыла с приоткрытым клювом, будто ей передалось изумление хозяйки. Когда я завершил свою историю, голос в моей голове пробормотал:

«Значит, крылатый волк. Крылатый волк и костяной меч... Что же он сотворил с тобой?»

– Сделал волколаком. – Я развел руками. – Вот что я хочу понять: только это или что-то еще? Если последствие у ранения только одно и других не будет, то... Не спорю, все было очень неожиданно, но теперь-то я снова человек.

Она обратила ко мне морщинистое лицо.

«Ты по-прежнему волколак».

– Ну да. И что плохого? Вот сейчас я подумал: это же дает мне всякие преимущества. Главное, научиться обращаться по своей воле. Хотя боль дикая.

«Боль становится меньше с каждым разом. Тело и душа привыкают к трансформации».

– Тем более. И получается – это беда или удача? – Я вытянул руку, растопырил пальцы, представляя, как из них вырастают когти. – Может, я и говорю странные вещи, но кое-что в облике волка мне даже понравилось.

Отвернувшись, она пошла вдоль полок к дальней стене пещеры, и я спросил:

– Ты знаешь то, чего не знаю я?

«Я знаю много такого, чего не знаешь ты».

– Так говори.

«Погоди».

С полки Рагда взяла большую книгу, сдув с нее пыль, вернулась и положила на стол. На лицевой стороне переплет из грубой кожи был разорван и сшит веревкой, это напоминало засохшую рану со стежками, сделанными неумелым лекарем. Она раскрыла фолиант, стала перелистывать большие желтые листы, усеянные рукописными строчками и рисунками. Квая перелетела на стол и принялась ходить по краю, недовольно поглядывая на книгу.

Найдя нужную страницу, ведьма углубилась в чтение.

«Ключ... – едва слышно прошептал голос в голове. – Ключ от врат чумы. Что это значит?»

– Ты о чем? – спросил я. – Каких врат?

«Тот, кто написал эту книгу, знал про костяной меч, хотя нигде точно не указал, откуда тот взялся. – Ведьма пролистнула еще несколько страниц и подняла на меня взгляд. – В одном месте написано, что меч был создан «дабы превращать врагов в рабов».

– Кем создан?

«Про это я ничего не нашла».

– Так что это за книга? – спросил я.

«Она называется "Божественные времена Кабала Трехглазого"».

– Это бог кузнецов или что-то вроде того. У меня есть амулет, который...

«Бог металлургов и оружейников. А книгу написал один ведьмак. Кей, я не знаю, откуда костяной меч взялся в сокровищнице историков, но, судя по этой книге, он был создан очень давно. Несколько раз здесь задается вопрос: почему волки воют? Кажется, для ведьмака это было вроде поговорки. Почему волки воют? Потому что тоскуют о небе. О полете».

– Ну что за чушь! – не выдержал я.

Она напомнила:

«Но призрак, которого ты видел, был крылат. Что это значит? В одном месте ведьмак напрямую упоминает крылатого волка. Послушай...»

Голос в моей голове стих, потом зазвучал снова, громче и напевнее:

«И был мир вечного дня, над коим не заходило солнце – великий бог Яррис озарял его своим золотым ликом. И были у Него два сына, Ярри и Марри, и был брат, темный ликом Некратор. И был у Некратора верный спутник, крылатый волк-великан, Зверь Безымянный.

И были люди бессмертны. Славили они великого Ярриса.

Позавидовал Некратор славе брата своего и пошел войной против него. Владел Некратор тайным знанием, что зовется некромагией, и создал он заклинание, которое впустило в мир Смерть. Погиб Яррис – впервые солнце угасло над миром. Казалось всем, победил Некратор, однако Ярри и Марри, двое могучих сыновей великого Бога-Солнца, вступили в бой с братом отца своего. Ярри, младший сын, золотым копьем своим поразил крылатого волка, спутника Некратора, прямо в пасть, сломав клык, в коем была заключена душа Безымянного Зверя. Брызнула кровь зверя на Ярри, и с той поры красен стал лик его. А Марри, старший сын, серебряным топором своим ранил самого Некратора. Тогда бежал тот чрез темный Зев в Срединных горах, что служат границей мира, оставляя за собой капли черной крови. До сих пор бродит он по тайной стороне мира за горами, завлекая к себе человечьи души.

С той поры стали люди смертны, ведь заклиние Некратора все еще властвует над ними. Но божественная сила Ярриса такова, что снова и снова возрождается он, и каждый день Солнце проходит над миром в великом Круге Времен».

– Ну да, одна из историй о древних богах, – сказал я. – Про такое толкуют церковники в моленных домах.

«Ведьмак, написавший «Божественные времена Кабала Трехглазого», несколько раз упоминает костяной меч. Мне показалось, он боялся напрямую рассказывать про клинок. Называет его ключом, отворяющим врата звериной чумы. А в другом месте – ключом от дверей волчьей эпидемии».

Грубая ткань кафтана кололась даже через рубаху, а еще он давил под мышками. Поведя плечами, я стал закатывать слишком длинные рукава.

– А что значит «превращать врагов в рабов»? Звучит как-то тревожно.

Рагда снова принялась листать страницы, потом стала читать. Вздрогнула, склонилась над книгой ниже, и я забеспокоился:

– Э, ты что там еще увидела? Что-то новое про меч?

Она вздохнула – я даже не помнил, когда видел ее вздыхающей! – и покачала головой.

«Меч был сотворен из клыка волка-великана, от которого пошел весь волчий род. Того самого Зверя Безымянного, чей призрак ты видел. На самом деле у него было имя, просто его никто не знал. Он имел крылья, но его потомки потеряли дар полета. Таково было наказание светлых богов за то, что прародитель волчьего рода служил Некратору».

– Мне нет до этого дела, Рагда! Пусть боги остаются в легендах...

«Теперь тебе есть до этого дело, мальчик, – перебила она. – Удар костяного меча запускает в теле раненого человека магическую реакцию, которая превращает его в волка-оборотня».

– Ну, это мы и так уже поняли, да?

«Оборачиваясь волколаком снова и снова, такой человек очень быстро теряет свою личность и становится волком навсегда. Не просто зверем – безумным одиночкой, потому что где-то в глубине остается частичка людского, которая разрывает его рассудок на части, из-за чего он люто ненавидит людей. Все происходит за два-три дня, срок зависит от душевной твердости жертвы меча».

Я сидел неподвижно, только шевелил губами, повторяя ее слова, пытаюсь их осознать. Это не умещалось в голове. Я не верил, просто не мог поверить! Стать волком навсегда? И это происходит со мной прямо сейчас?!

– Я... нет, погоди! – Вскочив, я забежал вдоль стола. – Ты уверена? Откуда знаешь, что это правда? Всего лишь старая книга!

«Очень древняя книга, мальчик. Которая еще ни разу не обманывала меня».

– Но... Но если так... Нет, я не верю!

«Нет смысла отмахиваться от правды потому, что она пугает. Через два дня ты станешь диким зверем и начнешь убивать людей, пока они не убьют тебя».

Из меня как будто выпустили воздух – я осознал, что Рагда говорит правду, что и на этот раз она не ошибается, как не ошибалась никогда, что все именно так и есть... Я повалился на табурет, крепко сцепил трясущиеся руки и сказал:

– Говори дальше. Теперь скажи все, что узнала!

«Все уже сказано. Ты... – Рагда пожевала губами. – Ты сильный мальчик. Не столько твердый, сколько гибкий, но в гибкости лозы не меньше силы, чем в крепости камня, она может вывернуться из-под того, от чего камень раскрошится. Ты выдержишь дольше других. Может быть – трое суток. Не больше. И в ночь Чернодня станешь волком насовсем. Безумным одиноким зверем-убийцей».

Я протянул к ней руку, показав черный шрам от локтя до кисти:

– Ты можешь снять заклятие костяного меча?

Она опустила голову, уставившись в стол, и в этом движении я увидел ответ.

«Слишком древняя магия. Магия богов, она стоит у истоков Гиграна. В сравнении с ней все наши гильдии, школы, все ведьмы, ведьмаки и шаманы наших дней – как камешки у подножия Срединного хребта».

Наступила тишина. Рагда глядела сквозь меня, о чем-то размышляя. Потом встала.

«Но, возможно, есть еще один путь. Ты можешь принести меч мне».

– И что?

«Я изучу его. Некоторые сложные ритуалы... Если смогу увидеть, какая магия заключена внутри, понять ее – сниму заклятие».

– Если сможешь... а если нет? Сама же сказала – это магия богов!

«Тогда ты будешь бегать по лесам и выть на луну. Единственный выход для тебя, Кей, принести мне меч».

– Что же мне, убить лича? Я даже не знаю, возможно ли это. Кто он вообще такой? Какой-то маг... шаман, существо, древняя сущность. Как с ним сладить?

«Я не знаю, как сладить с личем. – Рагда двумя руками подняла со стола тяжелую книгу, понесла к полкам. – Но я могу дать кое-что, что должно помочь».

Она вернулась и положила передо мной на стол... ничего. Там была пустота, я видел лишь воздух. Хотя... что это? Нагнувшись, поглядел сбоку, осторожно протянул руку. Ладонь наткнулась на нечто мягкое и податливое, немного влажное, размером с кулак. А дальше – твердое и тонкое. Я сжал его, поднял взгляд на ведьму и спросил:

– Сумеречный клинок?

«Нож-сумрак, – подтвердила она. – Таким можно резать железо».

Я благоговейно взял его в руки и только теперь разглядел едва уловимое вытянутое пятно, будто странную шероховатость в пространстве. Такое оружие делается из кристалла, который привозят с Дальнего юга, диких земель за Крайморем. Кристалл называют сумеречным. Говорят, на юге он иногда попадает в скалах, растет между камней. Не один и не два путешественника лишились ступни, а то и поплатились жизнью, наступив на торчащие из расселин острейшие лепестки. Их можно заметить лишь по едва различимой сероватой тени, будто клочку сумрака, который возникает рядом с ними в солнечный день, когда солнце ниже у горизонта.

– Но откуда он у тебя? – спросил я. – И что это – мягкое, внутри чего спрятано лезвие?

«Он попал ко мне давным-давно. Сейчас лезвие внутри липуна, это особое заклинание, его можно прилепить на тело, на рукав или ремень. Благодаря ему ты не порежешься, а нож останется невидим для других. Просто вытаскивай его, когда понадобится, и потом вставляй обратно. И помни, что на закате он виден лучше. Это особенность у кристалла».

– Но такой нож стоит... – пробормотал я. – Он стоит...

Я не знал, сколько он стоит. За свою жизнь я видел только один сумеречный клинок, церемониальный кинжал на поясе жреца-еретика, адепта Противокруга. Говорят, где-то есть меч-сумрак, а кто-то владеет набором сумеречного оружия... если это правда, то стоит оно примерно столько же, сколько весь Зангар.

– Это ведь один сплошной кристалл? – Я почти благоговейно вытащил нож из обволакивающего густого кокона, поднес к лицу. – Я слышал, клинковая часть толщиной с древесный лист. Рукоять на ощупь точно шире. И грани у нее покатые.

«Рукоять – корень кристалла, – пояснила она. – Тот, которым он крепится между камней. Липун будет надежно обволакивать лезвие. Попробуй прилепить его».

Я вставил нож-сумрак обратно в липун и с размаху хлопнул им по левому предплечью поверх кафтана. Отнял руку, потрогал – он был там, висел, слабо оттягивая рукав.

– Он держится.

– *Дерррржится!* – каркнула Квая.

– Рагда, у меня вряд ли когда-нибудь появится столько монет зараз, чтобы расплатиться с тобой.

«Этот нож мне дала твоя мать».

Я снова поднес руку к предплечью, пальцы сразу нашли рукоять, торчащую из липуна вперед и вверх.

«Перед смертью, – продолжал голос в моей голове. – Странная была у нее смерть... Нет, сейчас не будем говорить про это. Тогда она попросила меня помогать тебе. Как давно это было!»

Она сгорбилась, будто под гнетом внезапно навалившихся лет. На столе Квая нахохлилась и склонила голову, искоса наблюдая за хозяйкой.

«Иди, Кей. Добудь костяной меч, принеси мне. А я попытаюсь разузнать что-то еще. Попробую поговорить с призраками. Иди».

Я кивнул ей, чувствуя, что надо сказать что-то еще, но не зная, что именно. Протянув руку через стол, тронул старуху за плечо, и Квая, встрепенувшись, каркнула на меня – то ли выругала, ревнуя за то, что кто-то еще посмел прикоснуться к ее хозяйке, то ли просто на свой вороний манер сказала: «Прррощай!»

Одернув кафтан, я покинул земляную пещеру. Мастер Крум успел повернуться, обратившись тыквенным лицом к двери, хотя стоял спиной к ней, когда я пришел. Он проводил меня взглядом светящихся глазниц.

Выбравшись из расселины, я быстро направился в сторону Зангара. Если миновать крестьянские поля и перейти вброд мелкую речушку, протекающую мимо крепости Дома Вигов, в город можно попасть задолго до рассвета. Прежде чем лучи светлого Ярриса падут на земли Арды, мне нужно успеть к дому зажиточного, уважаемого всеми торговца Абеяра Рэя... Тайного скупщика краденого, известного на разбойничьем дне Зангара под кличкой Жаб-Рэй.

Он нанял меня для этого дела. Теперь я собирался взять его за жирные бока и вытрясти всю правду о лице, портале и кривом мече.

В городе было тихо. Облака совсем скрыли звезды, Ярри тоже исчез, лишь Марри проглядывал унылым бледным пятном. Я тенью скользил вдоль домов, перескакивал через сточные канавы и огибал груды мусора, растущие как грибы, в окраинных бедняцких кварталах с их глинобитными и деревянными развалюхами. До рассвета не больше часа, надо спешить. С приходом дня все дело станет и труднее, и опаснее.

Когда миновал увенчанный шпилем с золотым кругом молельный дом, начались кварталы побогаче. Абеляр Рэй жил в двухэтажном особняке с тяжелыми железными ставнями, которые на ночь крепко запирались. Здесь чаще проходили патрули, ведь жители этих домов могли позволить себе оплатить дополнительную охрану, но жирный скупщик краденого много общался с личностями, подобными мне, и слишком хорошо понимал, что если кто-то всерьез вознамерится ограбить его, никакой патруль не поможет.

Где-то в стороне залива лаяли собаки. Убедившись, что на улице никого нет, я присел под деревом напротив дома. Все ставни закрыты и наверняка надежно заперты изнутри. Кроме одного, самого верхнего. За треугольным окошком под крышей находится кабинет хозяина, и почему ставень на нем распахнут, непонятно. Чудится мне, или там и вправду мерцает свет, совсем тусклый? Когда смотрю прямо – ничего не вижу, сплошная темнота, но если отвожу взгляд, то краем глаза вроде бы замечаю едва различимое свечение.

Я сорвал травинку, сунул в зубы. Липун висел на рукаве, но помимо сумеречного ножа никакого оружия у меня нет и, главное, нет моих инструментов и амулетов, даже кольца. А «Око Кабала» сейчас бы очень не помешало. В Зангаре есть Цех Брони, так они себя называют, на самом деле это торгово-магический дом, занимающийся установкой защиты – и на одежду, и на доспехи, и на целые здания. Жаба-Рэй не скупился на оплату их услуг, и цеховые маги регулярно навевались к нему для обновления паутины силы, окутывающей дом. Меняли узоры, переплетали линии напряжения, сдвигали тревожные узлы. «Око Кабала» позволило бы мне разглядеть магию, встроенную в стены здания, теперь же придется действовать наобум.

Или не придется? Я выпрямился, уставившись на дом. Прищурился. Дверь особняка была приоткрыта.

В затылке стало горячо, волна щекочущего тепла скатилась по хребту. Почему она не заперта? Это так же невероятно, как если бы жирный скупщик Абеляр Рэй самолично вышел из своего особняка и принялся горячо извиняться за то, что нанял меня для этого гиблого дела в Доме Реликвий!

По-прежнему стояла тишина, Марри бледно серебрился в небе за облаками, а я стоял и недоуменно пялился на дверь. Донесся звук шагов – по одной из соседних улиц кто-то шел. Сторожа, больше некому. Могут свернуть сюда, а могут и не свернуть, в любом случае нет никакого смысла торчать здесь дальше.

Выплюнув травинку, я быстро пересек улицу, сорвал нож-сумрак с липуна и заглянул в щель.

Темноту холла нарушал мертвенно-красный свет, льющийся из-под широкой, устланной ковром лестницы, что вела на второй этаж.

Я приоткрыл дверь шире, боком скользнул внутрь и тихо закрыл ее. Первый этаж занимали комнаты слуг, кухня, столовая и кладовые. Отсюда можно попасть во внутренний

двор с каретным сараем, конюшней, пристройкой-мастерской. Все двери закрыты, кроме той, что ведет в столовую. Но что это светится под лестницей? В доме скупщика я бывал неоднократно, хотя никогда не входил в него через парадную дверь, для персон вроде меня имелся отдельный, тайный путь. Под лестницу мне тоже еще не доводилось заглядывать.

Левая рука у меня действует не хуже правой, и нож я привык держать именно в ней. Крепко сжимая клинок-сумрак, на цыпочках пересек холл, заглянул под лестницу и увидел раскрытый подвальный люк. Оттуда и шло свечение. Что может давать такой мрачноватый, неприятный оттенок? Прежде чем шагнуть на ведущую в подвал лестницу, я взял нож обратным хватом и поднял к груди, готовый нанести удар по всему, что попыбует приблизиться ко мне.

Под дальней стеной большой подвальной комнаты стояла койка, доски на камнях, и на ней кто-то лежал, укрытый одеялом с головой. Я сразу решил, что там мертвец, просто почувствовал это, хотя человек мог и спать. И еще понял, что это не Жаба-Рэй. Он толстый, а под одеялом кто-то некрупный.

Первым делом надо было бы подойти к койке, осмотреть человека на ней, но меня отвлек рисунок на полу в центре подвала. Темно-красными светящимися мазками там была начертана большая пентаграмма с кругом в центре. Вдоль линий выведены ряды незнакомых знаков... Незнакомых? Кажется, я уже видел такие, причем совсем недавно.

Здесь свечение было совсем давящим, мрачным, жутким. От пентаграммы веяло холодом. По углам ее лежали шесть черепов со спиленными макушками, из каждого торчал черный огрызок, будто сгнившая сердцевина яблока. Я подошел ближе, заглянул в череп.

Их превратили в сосуды: глазницы и рты чем-то залеплены, внутри густая темно-красная субстанция, куда воткнут этот огрызок. Я не рискнул касаться его, потому что вдруг сообразил, что это такое. Выжженный теневик! Известны два класса камней-артефактов: темные и светлые. Первые могут использовать только некромаги, но с тех пор, как столетие назад был уничтожен Дом Смерти, они почти вывелись в наших землях.

Я пошел вдоль линии пентаграммы, скользя взглядом по письменам. И наконец понял, где видел такие: на черном браслете, что Абеляр Рэй передал мне вместе с планом замка и заклинанием для отключения огненного полога.

И что же это за круг в центре? Что в нем происходило, когда в черепах были еще целые теневики? Теперь-то шесть камней превратились в магические головешки, причем из них не просто забрали всю энергию, опустошив эти природные хранилища маны. Ее высосали с такой скоростью и силой, что разрушили структуру камней, навсегда испортив их.

Один череп сместился с угла пентаграммы, боковина его размягчилась, кость потекла, будто воск, на ней виднелись золотистые пятна. Рядом лежали осколки, сломанная деревянная шкатулка и обугленные лохмотья. Это остатки моей куртки, правильно? Все это я швырнул в портал, чтобы не позволить личу исчезнуть из сокровищницы и оставить меня одного в лапах гильдийской стражи.

Возле койки я осторожно приподнял кость, торчащую из маленького серебряного ведра. К нижнему ее концу проволокой был примотан пучок жесткой щетины. Этой кистью нарисована пентаграмма? А что там на дне ведерца... Заглянув туда, я тихо выругался. Новым взглядом посмотрел на линии пентаграммы.

Ее начертили кровью того, кто лежит на койке. Мрачная, темная некромагия. Или правильнее сказать некроалхимия? Ритуал с черепами и кровавой пентаграммой поддерживал точку привязки портала из сокровищницы, того самого, что за короткий срок

опустошил до дна запасы маны аж в шести темных камнях. Отсюда, из этого круга, лич шагнул напрямик в главную башню замка, и сюда же он бы вернулся, если бы я не сломал портал.

Шагнув к койке, я сдернул покрывало. Обратив к потолку бледное обескровленное лицо, на досках вытянулась обнаженная Минка, молоденькая служанка Абеяра Рэя. Под грудью и на шее ее тянулись тонкие разрезы. Не связана, лицо спокойное... Остается надеяться, что ее не только обездвигили перед ритуалом, но и усыпили. Может быть, умирая, она не осознавала, что эти люди, кем бы они ни были, делают с ней.

Попытившись от койки, я ощутил тяжесть в левой ноге, посмотрел через плечо и обнаружил, что наступил на край некромагического рисунка. По засохшей кровавой полосе вокруг стопы расходились волны свечения, бежали в две стороны и угасали. Я напрягся, оторвав каблук от пола, побыстрее отошел. Свечение сразу успокоилось. Пошаркав подошвой по полу, чтобы стереть то, что могло остаться на ней, обогнул пентаграмму и покинул подвал.

На столике у двери кухни нашелся подсвечник с огарком, а в ящике – огниво. Я поджег свечу, взял подсвечник, снова отлепил от предплечья нож-сумрак и стал подниматься.

Второй мертвец обнаружился на залитых кровью верхних ступенях парадной лестницы. Еще на подходе по белым волосам я опознал дворецкого, старика Манджу. В тусклом свете трепещущего огонька кровь его показалась мне неестественно черной, пришлось ставить подсвечник и опускаться на корточки. Видимых ран не было, кровь натекла из ушей и рта старика. Ненормально темная, густая, да еще и глянцево поблескивающая. Глаза тоже почернели, ни зрачков, ни белков не видно. Потемневшие зубы и гортань превратили рот в злобный провал.

Какое-то сильное боевое некрозаклинание сделало кровь старика грязной жижей, а глаза – двумя лужицами тьмы. Никогда я не сталкивался с таким.

На втором этаже нашлись еще два тела. Старая повариха, чьи глаза стали такими же, как у дворецкого, а кровь напоминала лужу загустевших чернил, лежала на полу коридора. Второе тело я заметил не сразу: Дорба, охранник Жабы-Рэя, отлично владеющий дубинкой и кистенем, висел на стене. Камень вокруг будто обмазали смолой... или он сам превратился в смолу? Большое круглое черное пятно, в которое торс погрузился так, что наружу торчали только руки с ногами да голова. словно кузнечик, застрявший в клейкой лужице, охранник висел высоко над полом.

Подняв огарок выше, я посмотрел на лестницу, снова на Дорбу. И как все было? Кто-то поднимался по ступенькам, на пути убил дворецкого, охранник услышал шум и вышел из своей комнаты. Он стоял прямо над лестницей, когда тот, кто шел к нему, метнул заклинание, отшвырнув Дорбу назад. Если мысленно продлить прямую линию, она упрется в стену как раз там, где он висит. Заклинание размягчило камень, превратив его в вязкую черную субстанцию, и впечатало туда тело. Убийца поднялся на второй этаж, тут ему попала повариха, он разделался с ней... и что потом?

Я повернулся. Короткий пролет вел к двери просторной чердачной комнаты. Может быть, убийца – или убийцы – до сих пор там? Нет, в доме никого, кроме меня. Я бы понял, что-то услышал, ощутил бы чужое присутствие. Особняк пуст, тут лишь я да мертвецы.

И вот-вот начнет светать.

Дверь в кабинет была распахнута настежь. Уже поднимаясь, я сообразил, что за свечение видел в треугольном окне. На столе у Рэя всегда стояла дорогая лампа с

позолоченной подставкой, в пасмурные дни и вечерами там горел магический светляк. Не такой, как на шлеме лича, обычный, безвредный, он давал мягкий желто-белый свет. Чтобы подпитывать его, в ящичек, упрятанный в подставку, иногда досыпали светопорошок из слабой смеси толченого альбита с несколькими ингредиентами, продающийся в алхимических лавках. Жаба-Рэй всегда делал это сам, не подпускал к лампе служанок.

Светляк в лампе едва тлел, но благодаря свече я сразу увидел хозяина. Его массивная туша мешком лежала на ковре возле письменного стола.

В кабинете стоял большой, под потолок, шкаф, у стены софа и бюро. Рядом, прикрытая картиной с изображением купающейся в лесном пруду девушки, пряталась дверца с хитроумным замком, за ней находилась стенная ниша, где Абеляр Рэй хранил деловые записи. Сейчас картина была сдвинута, а дверца открыта.

Я подошел к нише, заглянул и осклабился. Сколько раз думал о том, что было бы хорошо забраться в дом и вскрыть секретный стенной шкаф, а теперь он передо мной, раскрытый, причем те, кто убили Рэя, туда, кажется, и не заглянули. Внутри лежала пара тетрадок в кожаных переплетах, разукрашенный бисером кошель и большая шкатулка. Запертая. Я пошарил в бюро, нашел в нижнем ящичке старую котомку и повесил на ремень. Сунул туда кошель и шкатулку, схватил тетрадки, раскрыл. Внутри столбики цифр, перечни товаров, имена, все это записано торопливым неряшливым почерком Жабы-Рэя.

Тетрадки оказались слишком велики для котомки, я ножом срезал обложки из свиной кожи, сунул их за бюро, а пачки прошитых суровой нитью листов свернул трубками и отправил в котомку. Вернулся к столу, поставил на него подсвечник. Рэй лежал, вытянув вперед правую руку, лицом книзу. Пришлось хвататься за мягкое плечо и переваливать эту гору мертвой плоти на спину.

Левая нога Жабы-Рэя была изогнута под неестественным углом, будто сломана в колене, плечи перекосило, жирная шея скрючена. Три пальца обуглились, перстни на них почти расплавились, металл вьелся в черные пеньки костей. Один глаз потемнел, второй оставался нормальным. Половину лица стянуло, кожа сморщилась, побагровела. Я поднял брови, разглядывая хозяина. Почему его так изломало, почему покорежило тело? Судя по тому, что Рэй лежит ногами к раскрытой нише, он стоял возле нее, когда убийцы распахнули дверь. Его накрыло некрозаклинанием, и что было дальше? Он упал, а они ушли, уверенные, что хозяин мертв так же, как и его слуги.

Но он был еще жив, он еще сопротивлялся, пополз к столу...

Абеляр Рэй умер не сразу благодаря лекарским оберегам.

Я цокнул языком, сообразив это. Конечно! Рэй был по-настоящему толст, он поддерживал себя с помощью амулетов и талисманов. С его слабыми ногами, с его одышкой... На шее он носил дорогостоящий талисман, на пальцах таскал волшебные кольца, а обильные тела подпоясывал ремнем, сплетенным из страж-травы. Магия оберегов вступила в скоротечное противостояние с заклинанием, которым его атакowali, и проиграла, но эти мгновения позволили Жабе-Рэю поползти до стола, когда убийцы уже ушли.

Почему Рэй пополз именно к столу? Вспомнив, как он лежал, я схватил его за рыхлое запястье. Из пальцев выпал маленький стилет с рукоятью, украшенной самоцветами, обычно лежавший на подставке лампы. Вскочив, я склонился над столом. Нет, ничего. А если... Вот оно!

Большой тяжелый стол поддерживали широкие ножки-столбы, и на ближней к Рэю виднелось несколько царапин. Как раз на такой высоте, где он мог коснуться ее, не вставая.

Не просто коснуться – несколько раз прочертить острым кончиком стилета, пока в его теле ломали друг друга магические структуры атакующего заклинания и лекарственных оберегов.

Две перекрещенные черточки, похожие на букву «Х». В нижней части каждую пересекает короткая поперечная черта. И все.

Что он хотел этим сказать? На какую мысль надеялся навести того, кто попадет в кабинет после убийства?

Вдруг я понял, что в комнате стало светлее. Пока копался в нише и осматривал тело, начался рассвет. Вот-вот на улицах появятся первые горожане, пора убираться отсюда. На этот раз не обязательно пользоваться парадной дверью, есть ведь и другой путь.

Я шагнул к столу и, уловив краем глаза движение, обернулся. Почти успел сорвать с липуна сумеречный нож. Почти. С фырканием тяжелая туша врезалась в меня, будто слетевший с крутого склона валун. Удар был такой, что я отлетел в сторону и, зацепившись за мертвеца, растянулся на полу.

– Маунти, стой! – Голос Тиры донесся от двери. – Пока больше не трогай его!

Разъяренная рожа тролля возникла надо мной. Взлетел могучий кулак.

– Я сказала, прекрати! Назад!

Он скривил возмущенную гримасу, но кулак опустил. Злобно фыркнув, попятился. Я сел, ожидая увидеть в дверях целую толпу непрошенных гостей из Дома Реликвий, но там была только моя сестра с мечом в руке.

Нож-сумрак оставался на предплечье, сейчас я не успевал воспользоваться им. Тролль стоял слишком близко, и бугристые лиловые кулаки его выглядели слишком устрашающе. Пришлось поднять руки ладонями вперед.

– У меня нет оружия.

– Вставай. – Шагнув в комнату, она повела подбородком в сторону мертвеца. – Это твой наниматель? Кто он?

– Один торговец. – Я медленно поднялся. – Как вы меня нашли?

Тролль громко втянул носом воздух и снова фыркнул, словно бык.

– По запаху магии, оставшемуся на тебе от твоих амулетов. – Она хлопнула по моей сумке на своем поясе. – Маунти очень хорошо чувствует такое. Хотя он потерял твой след в лесу.

– Тогда как вы оказались здесь?

– Мы решили, что если ты сумеешь снова обернуться человеком, то отправишься в город. Пришли сюда, стали рыскать по улицам со стороны замка, и Маунти быстро нашел след. Так кто этот человек?

– А почему пришли только вдвоем?

– Магистр... – Она пожала плечами. – Он сказал мне: нельзя заявляться в Зангар толпой. Нас заметят патрули. Отряд из Дома Реликвий, ввалившийся в город посреди ночи, это слишком подозрительно, начнутся выяснения. А мы не хотим, чтобы другие Дома узнали о том, что из нашей сокровищницы украдено нечто такое, из-за чего вскоре может начаться непонятное вторжение. Он отвел меня в сторону, когда я сказала, что Маунти сможет выследить тебя, выслушал и велел идти только нам. Кто этот человек, Кей? Я хочу знать прямо сейчас. Имей в виду: после того, как ты сбежал, кулаки у Маунти так и чешутся.

– Абельяр Рэй, торговец...

Она окинула комнату взглядом.

– Богатый квартал, богатый дом. Ты, вор, знаешь с такими людьми?

– ...А еще перекупщик краденого и заказчик грабежей. Именно с такими людьми я и

знаюсь, сестрица. Ты видела подвал?

– Заглянула. Очень... тревожная картина.

– Тревожная? Да там жутко до усрачки!

Она окинула меня внимательным взглядом.

– Так ты теперь можешь становиться человеком и волком по своему желанию? Меч превратил тебя в волколака?

– Вроде того, – ответил я. – Мы еще разберемся с этим мечом и с тем, что он сделал со мной, а сейчас нужно... Что это?

Мы замолчали. С улицы донеслись голоса, звук шагов, потом стук копыт. Тира подошла к окну, встав сбоку, осторожно выглянула.

– Конный патруль, – тихо сказала она. – Просто едет мимо. А из дома напротив вышел какой-то старик, подметает у двери.

– Там лавка, – сказал я. – Ее хозяин очень удивится, если увидит нас, выходящих отсюда. Так что мы выйдем другим путем.

– Хах? – засопел Маунти. – Неффя, фтоб фидели! Хах выйти?

Я направился к столу, он угрожающе заворчал, шагнув наперерез. Тира шикнула на него, и тролль, недовольно сопя, позволил мне пройти.

– Не дергайтесь, – посоветовал я и с усилием провернул лампу на золоченой подставке.

Магический светяк внутри ее мог разгораться и угасать, световой порошок в ящичке периодически меняли на новый, но сама лампа всегда стояла на одном месте. Всегда. Ее невозможно было убрать оттуда, только повернуть вокруг оси.

В столе скрежетнуло, звякнуло в одной из ножек. С тихим стрекотом высокий шкаф под стеной сдвинулся, открыв начало темной лестницы, спрятанной в толстой задней стене особняка.

– Сейчас он закроется сам собой. – Я вошел в проем. – Спустимся в пристройку, оттуда выйдем через двор, так нас никто не увидит. Я знаю одно место возле города, где можно поговорить без помех.

* * *

Палец Тиры медленно вывел на щербатой столешнице букву «Х», прочертил две поперечные черточки вниз, и сестра сказала:

– Нет, я не знаю, что это. А ты понимаешь, что он имел в виду?

– Пока нет, – ответил я.

«Горячая похлебка» с двумя ее залами и комнатами для постояльцев работала всегда. Если в одном зале прибирались или шел ремонт, хозяйка заведения Виона пускала клиентов только во второй. Заведение прославилось еще и тем, что служили в нем лишь женщины, ни одного мужчины, причем это были в основном смуглые девушки-фанги, которых Виона нанимала потому, что ее покойный муж принадлежал к этому племени. Что стало с мужем, для всех оставалось загадкой, когда-то он просто исчез, и больше его никто не видел. Поговаривали, что он изменил жене, и она убила его из ревности, однако никаких доказательств не нашлось.

В потайных каморках под залом можно было на время оставлять награбленное, иногда этой услугой за отдельную плату пользовались люди вроде меня или Жабы-Рэя.

Ранним утром зал пустовал, только мы трое сидели за столом у окна. Маунти расположился так, чтобы находиться между мной и дверью в другом конце зала. Хотя я и объяснил, что сбегать не собираюсь, теперь в этом просто нет смысла, тролль доверял мне еще меньше, чем сводная сестра. Он жрал тушеные грибы в густой подливе, зачерпывал их огромной деревянной ложкой из миски и отправлял в зубастую пасть. Мы с Тирой ели мясо с хлебом и овощами и пили пиво.

– А может, ты догадываешься да не хочешь говорить? – спросила она.

– Я уже сказал: сейчас у нас общие интересы. Давай-ка все обговорим, сестренка. – Зевнув, я навалился локтями на стол, и тут она подалась вперед, схватила меня за шиворот и потянула к себе. Маунти застыл, не донеся ложку до приоткрытой пасти.

– Сначала мы решим одно дело, Кей, – процедила Тира, стрельнув глазами в сторону стойки. Из кухни доносилось звяканье посуды, но в зале не было никого из работниц «Горячей похлебки». – Ты больше никогда, вообще никогда, не будешь называть меня сестрицей, сестренкой или сестрой. А я не стану называть тебя братом. Ты понял меня?

[Купить полную версию книги](#)